

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

БЕРДЯЕВ

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК1(091)(470)
ББК 87.3(2)
Н60

Подписано в печать 08.11.05. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 5 000 экз. Заказ № 6043

Н60 **Николай Бердяев за 90 минут / Сост. М. Кановская.** — М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. — 94, [2] с.

ISBN 5-17-034658-1

В книге «Бердяев за 90 минут» предлагается краткий профессиональный обзор жизни и трудов Николая Александровича Бердяева, выдающегося философа Серебряного века, ставшего символом русского культурного ренессанса. Книга также содержит выдержки из работ Бердяева и важнейшие даты, помогающие понять место Бердяева в его эпохе и в философской традиции.

УДК1(091)(470)
ББК 87.3(2)

Научно-популярное издание

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ ЗА 90 МИНУТ

Составитель *Кановская Мария*

Ответственный редактор *О. Сабурова*
Художественное оформление *А. Филиппова*
Компьютерная верстка *С. Левина*
Технический редактор *М. Водолазова*
Корректор *Н. Натарева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — научная и популярная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Сова»
195112, г. Санкт-Петербург, а/я № 51
E-mail: oosova@mail.wplus.net

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
109044, Москва, Крутицкий вал, 18

© ООО «Издательство «Сова», 2006

ВВЕДЕНИЕ

Николай Александрович Бердяев — великий провидец и гуманист, мудрец, обогативший русскую философию и культуру XX века. Его смело можно назвать центральной фигурой русского духовного Возрождения.

Трудно отыскать в истории философии мыслителя, который так напряженно и с такой остротой переживал бы предельные вопросы человеческого существования, как Н. А. Бердяев. Он был одним из тех, о ком Ф. М. Достоевский писал, что им не нужен миллион, им главное — мысль разрешить. И, как будто подтверждая слова великого писателя, Бердяев в своей книге «Самопознание» (1949) признается: «Я не любил „жизни“ прежде и больше „смысла“, я „смысл“ любил больше жизни, „дух“ любил больше мира».

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Каждый философ старается приоткрыть завесу таинственного над тем, что составляет смысл человеческой жизни, но основу его мировосприятия всегда составляют культура, на которой он воспитан, и среда, которая его окружает. Предки Н. Бердяева по отцу были генералами и георгиевскими кавалерами, известными при императорском дворе, а по матери — представители из старинного французского рода. И хотя Бердяев говорил, что никогда не ощущал своих корней, его мировоззрение, его огромный вклад не только в русскую, но и в западноевропейскую философию (он был основателем такого философского направления, как персо-

нализм) являются результатом взаимопроникновения двух европейских культур. Эти культуры близки, потому что имеют одну традицию — древнегреческую философию и христианскую религию.

Бердяев родился в Киеве в семье военного и первоначально, по фамильной традиции, учился в кадетском корпусе. Однако он быстро понял, что его свободолюбивая натура никогда не примирится с необходимостью подчиняться, безоговорочно выполнять приказы вышестоящих начальников. Словом, военная дисциплина была не для него. В своей автобиографической книге «Самопознание» он пишет: «Я никому и ничему никогда не мог подчиняться». Затем он поступил в Киевский университет на факультет естествознания, но проучился там недолго: за участие в работе социалистического кружка его сослали в Вологду, где он пробыл два года. С университетским образованием было покончено навсегда, что, впрочем, не помешало ему стать на редкость образованным человеком. Интересы Бердяева были очень разносторонними, но, по словам Л. И. Шестова («О Бердяеве», 1938), в основе его богатого творчества всегда лежала *моральная* тема.

Бердяев начинает отсчет своей жизни с момента, когда он осознал необходимость самопознания, и, надо сказать, находился в этом процессе до конца своих дней. Раскрывая себя, он познавал Бога, мир и человека, его непростое предназначение в длинной череде эпох и общественных систем. Возделывая, окультуривая глубины своего существования, он находил в себе, а значит, и в человеке вообще нечто абсолютное или то, что тяготеет к абсолюту, а ведь абсолют — это и есть Бог.

Главный пафос основных работ Бердяева составляют две взаимосвязанные проблемы — свободы и творчества, разрабатывая которые, он строит и свою метафизику, и этику, и историографию, и антропологию. При этом ни одна из названных дисциплин не разрабатывается Бердяевым отдель-

но. В любой его крупной работе все они переплетаются и переходят друг в друга, что крайне затрудняет анализ его творчества. Бердяев не был академическим философом. Принципиальный противник универсальных мировоззренческих систем, он не создавал стройного ряда логических доказательств своих тезисов, не старался придать произведениям строго научного вида, не признавал никакого системостроительства, которое, по его мнению, убивает сам дух творчества: его всегда влекли интуиция и порыв. Да, его сила была в обостренной духовной интуиции, которая сквозь бессмысленные, хаотичные подробности бытия пробивалась к целому, восстанавливая утерянную связь распадающегося на части мира, возвращая целостность духовного опыта.

В работах Бердяева в полной мере отражается его незаурядное философское и литературное дарование. Сначала он увлекался марксизмом, но очень скоро пришел к выводу о том, что философская сторона этого учения нуждается в пересмотре. Он понял, что революционная деятельность не совместима с подлинной свободой. Кружки и партии так или иначе требуют отказа от индивидуального, личного, требуют подчинения организации, слепого служения ей. «Всякая идейная социальная группировка, всякий подбор „по вере“ посягает на свободу, на независимость личности, на творчество», — писал Бердяев. Он понял, что «социализм может принять разные обороты, может привести к освобождению, но может привести и к истреблению свободы, к тирании, к системе Великого Инквизитора». Забегая вперед, можно сказать, что в годы революции и Гражданской войны Бердяеву пришлось отстаивать свободу и достоинство: независимость суждений, непринятие тоталитарной идеологии сквозило во всем, что бы он ни писал.

Вместе с другими русскими марксистами Бердяев стал последователем трансцендентального идеализма, который он довольно долго соединял с социальной программой марксизма. Можно считать, что это был переходный период в его

мировоззрении. В 1901 году вышла первая большая философская работа Бердяева под названием «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» с предисловием Петра Струве. Она посвящалась критике философии русских «народников». В 1907 году Бердяев переходит от идеализма к религиозной идеологии и испытывает чрезвычайное влияние русского религиозного романтизма (идей Д. С. Мережковского и др.). В начале XX века появились такие его труды, как «Новое религиозное сознание и общественность» (1907), «Духовный кризис интеллигенции» (1910) и «Философия свободы» (1911). Последняя работа, выпущенная Бердяевым в России, носила систематический характер и называлась «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916), где религиозная позиция Бердяева превратилась в мистико-романтическую.

В период Октябрьской революции (1917) и Гражданской войны (1917-1922) Бердяев вместе с другими философами и писателями создает Вольную религиозно-философскую академию. Он пишет замечательную книгу «Философия неравенства», направленную против советской идеологии. Книга была напечатана в Берлине в 1923 году. Профессор Московского университета, блестящий лектор и просветитель, человек энциклопедических знаний, Николай Бердяев был несколько раз необоснованно арестован, а в 1922 году вместе с другими философами-идеалистами изгнан из России. Пароход, на котором отправились в вечную ссылку из советской России многие деятели науки и культуры, русская интеллигенция удачно «окрестила» «философским пароходом». Это событие в жизни Николая Бердяева явилось иллюстрацией той идеи, которую он сформулировал позже: «Коммунистическая революция истребила свободу духа и мысли и сделала невыносимым положение деятелей культуры и мысли».

Жизнь в эмиграции сложилась у Бердяева довольно удачно. Он жил сначала в Берлине, создал там Религиоз-

но-философскую академию, работа которой продолжилась в Париже, куда он переехал в 1924 году и где прожил до конца своих дней. С 1925 по 1940 год Бердяев издавал религиозно-философский журнал «Путь», что сблизило его с С. Н. Булгаковым, П. А. Флоренским, Е. Н. Трубецким, В. Ф. Эрном. Он также стал руководителем религиозно-философского издательства «УМСА-Press». В Париже были написаны главные книги Бердяева. Правда, еще в Берлине вышла в свет его книга «Смысл истории» (1922), имевшая большой успех у читателей. В Париже творческая деятельность Бердяева началась с издания небольшого этюда «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1934). Именно этот этюд, переведенный на 14 иностранных языков, принес Бердяеву мировую славу. Позднее появились такие труды, как «Я и мир объектов» (1927), «Философия свободного духа» (1929), «О значении человека» (Опыт парадоксальной этики)» (1931), «Дух и реальность» (1934), «Русская идея» (1948) и, наконец, последняя книга Бердяева — «Опыт эсхатологической метафизики» (1947). После смерти Бердяева вышла его автобиографическая книга «Самопознание», о которой уже упоминалось. Был еще целый ряд работ, таких как «Правда и ложь коммунизма» (1931), «О самоубийстве» (1931) и др. По мнению В. В. Зеньковского, профессора Богословского православного института в Париже, написавшего монографию под названием «История русской философии» (1948), наиболее удачной работой Бердяева является небольшой этюд «Судьба человека в современном мире» (1934). Нельзя не упомянуть и о многочисленных статьях Бердяева, опубликованных в журналах «Путь», «Современные записки», а также в сборниках «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918).

Ученые, исследовавшие творчество Бердяева, отмечают: несмотря на то что в его книгах много повторов, в каждом произведении есть определенный акцент. По мнению Зень-

ковского, писательская манера Бердяева имеет свои сложности: «Часто читателю трудно уловить, отчего данная фраза следует за предыдущей: порой кажется, что отдельные фразы можно было бы легко передвигать с места на место — настолько неясной остается связь двух рядом стоящих фраз». В «Автобиографии» (1917) философ пишет так: «Мое мышление интуитивное и афористическое, в нем нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать». Сильная же сторона творчества Бердяева, по словам Зеньковского, заключается в «чеканке отдельных формул, в своеобразных *bons mots*, которые запоминаются навсегда».

Особой чертой творчества Бердяева является то, что «в нем чрезвычайно сильна стихия публицистики». Именно благодаря публицистике имя Бердяева стало всемирно известным. У Бердяева она носит философский характер, всегда связана с глобальными жизненными проблемами; элементы публицистики тесно переплетаются с проповедью, с устремленностью в будущее. Это не пророчество в точном смысле слова, это скорее всего проповедь, и в ней всегда есть элемент дидактики. По словам Зеньковского, «Бердяев всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист».

Бердяев обладал исключительным даром синтеза, благодаря чему воспринимал самые различные влияния. Из русских мыслителей на его творчество более всего повлияли Владимир Соловьев, Несмоллов, Розанов, Мережковский и особенно Достоевский. Из иностранных философов наиболее сильное влияние на Бердяева оказали Шопенгауэр, Ницше и Беме, но он глубоко впитал в себя и основные идеи трансцендентализма. Широта и разносторонность философских интересов, постоянное и пристальное внимание к чужим идеям и построениям — все это уравновешивалось тем самым даром синтеза, о котором мы говорили ранее.

По своей духовной установке Бердяев был настоящим романтиком — он оставался им до конца своих дней. По мнению Зеньковского, у него эта романтическая установка закрывалась «экзистенциальными анализами». Впрочем, утверждает ученый, экзистенциализм едва ли возможен вне романтической духовной установки: «Бердяев до крайности занят самим собой, своими исканиями, которыми он дорожит; он как-то культивирует в себе дух искания, до крайности занят своими оценками, своими чувствами и переживаниями». Потребность философского осмысления лежала очень глубоко в его природе, но еще глубже — установка романтизма: он постоянно сосредоточивался на своих переживаниях и исканиях. Зеньковский пишет: «Ко всем темам Бердяев подходит всегда очень лично, как бы все меряя, все оценивая с личной точки зрения, и в этой невозможности выйти за пределы самого себя, в поразительной скованности его духа границами личных исканий — ключ к его духовной эволюции. В ней есть своя диалектика, но это не диалектика идей, а диалектика „экзистенциальная“, очень субъективная».

Однако Бердяев не считал себя романтиком: «Если можно назвать меня романтиком, то совсем в особом смысле слова», — пишет он в своей «Автобиографии». Правда, он тут же отмечает «действие иррациональных сил» в своей жизни: «Я больше всего человек мечты», — и это чрезвычайно верное утверждение.

Широкий кругозор, огромная эрудиция, выдающийся философский дар определяли внутренний мир Николая Бердяева, но можно смело утверждать, что все его произведения носят личный, автобиографический характер. В каждой книге он пишет о своих сомнениях и конфликтах. «Чуткая совесть, глубокая человечность, жажда идеала — немедленного и бескомпромиссного — сообщали мысли Бердяева глубину, тонкость, и все же он везде и всегда остается самим собою» (В. В. Зеньковский. «История русской фило-

софии»). Когда Бердяев пришел к религии, то немедленно отмежевался от религиозной традиции и укрылся под сенью «нового» религиозного сознания. Оно, конечно, явилось новым для самого Бердяева, но возникла потребность осмыслить все с позиций своей индивидуальности.

Для Запада Бердяев был и, вероятно, навсегда останется выразителем духа православия. Да, он впитал в себя многое из канонов православия, глубоко вжил в его дух, но одновременно без всякого затруднения повторял идеи Беме, Баадера и Шеллинга. Бердяев не всегда считался с церковными традициями, без колебаний отклонялся от них, легко разделял чужие религиозные установки: он был убежден, что защищает некое «универсальное» (или «вечное») христианство. Когда он окончательно утвердился в мысли о «примате свободы над бытием», смог легко уходить в вольные построения суждений. Вполне возможно, что своеобразие религиозно-философских мыслей Бердяева определяется именно переплетением христианских и нехристианских идей: многим и в самом деле кажется, что это начало «новых путей» в религиозном сознании.

Последние годы жизни Бердяева прошли в душевных страданиях. Закончилась Вторая мировая война, советский строй укрепился, а волна недоброжелательного отношения к советской России поднялась с новой силой. «Я чувствовал потребность защищать мою родину перед миром, враждебным ей. Остается мучиться, не находя гармонического решения... сильное чувство исторической судьбы не допускает возврата назад. Я продолжаю думать, что изменения и улучшения в России могут произойти лишь от внутренних процессов в русском народе» (Н. А. Бердяев. «Самопознание»). Эти слова можно назвать пророческими: внутренние изменения в русском народе совершаются крайне медленно, но возврата назад все-таки нет.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ

Мы уже говорили о том, что анализировать философские идеи Бердяева достаточно трудно не потому, что в них много противоречий, связанных с тем, что сам он довольно пренебрежительно относился к философской систематике, а потому, что его мышление, по его собственному признанию, «афористично» и «фрагментарно». Наиболее систематические книги Бердяева обычно написаны так, что в основе всего произведения лежит какая-нибудь одна (часто произвольно выбранная) идея, в свете которой он анализирует те или иные темы философии. Так написаны работы «Смысл творчества» (1916), «О рабстве и свободе человека» (1939), отчасти — книга «О назначении человека» (1931). Правда, и в них можно найти рассуждения, совершенно не связанные с основной мыслью.

В. В. Зеньковский, для того чтобы дать обзор главных высказываний Бердяева на философские темы, разбивает (несколько искусственно, по его же словам) все его творчество на четыре периода. В эти периоды отмечаются не столько хронологически разные ступени в философском развитии Бердяева, сколько разные аспекты его философии. Каждый период можно охарактеризовать по определенному акценту, но это не исключает наличия в данном периоде построений и идей, акцент на которые сделан в другом периоде. В первый период философа главным образом занимает *этическая* тема. Хотя Бердяев всегда был прежде всего моралистом, тема морали в наиболее чистой форме (без наслоения других начал) характерна именно для первого периода его творчества. «Проблема моральной философии, — пишет Бердяев в своей „Автобиографии“, — всегда стояла для меня в центре». Второй период отмечен

религиозно-мистическим переломом в мышлении Бердяева. Религиозно-мистическая тема уже прочно укореняется в его сознании, но ее влияние в наиболее чистой форме проявляется во второй период его творчества. Третий период характеризуется акцентом на *историософской* проблеме, в том числе тягой в последние годы жизни Бердяева к эсхатологии. Наконец, четвертый период (или четвертый акцент) связан с его *персоналистическими* идеями. К этим четырём акцентам относятся несколько центральных, по выражению Бердяева, идей. Собственно их две: принцип объективации и «примат свободы над бытием».

Бердяев очень часто затрагивал темы, связанные с гносеологией и метафизикой, но эти темы всегда имели для него вторичное значение. По существу Бердяев — более всего моралист-романтик: ему важнее всего выразить себя, проявить себя, отделить себя от других, и оттого он всегда бунтует против «обыденщины». «Всю мою жизнь я был бунтарем», — пишет он в своей «Автобиографии». К этому можно добавить страстность и патетичность в выражении переживаний; философ постоянно находится во власти страстей. В пылу идейной борьбы он следует преимущественно за своими чувствами, поэтому остается неисправимым романтиком даже тогда, когда принципиально стоит на позициях реализма и духовной трезвости.

Этика

Если внимательно проследить за эволюцией моральных воззрений Бердяева, то станет ясно, что он не сразу осознал, на чем акцентировать свое внимание. В первой книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) Бердяев еще не до конца понимает внутреннюю независимость этического сознания: он хочет, чтобы «идеал получил научную санкцию», он думает, что свобода в

человеке открывается тогда, когда «необходимость благо-склонна к... идеалу», принимает учение марксизма о том, что «свобода есть осознанная необходимость». Но уже через год после написания указанной книги в статье, помещенной в сборнике «Проблемы идеализма», Бердяев пишет об «абсолютности и вечности нравственного закона», о том, что закон дан «для мира сего», но он «не от мира сего». Философ приходит к выводу, что свобода в человеке совсем не связана с необходимостью («нравственный закон принадлежит царству свободы, а не царству необходимости»).

В книге «О назначении человека» Бердяев выделяет три формы этики — этику закона, этику искупления и этику творчества. Этика закона есть низшая, хотя и необходимая, ступень морального сознания. Она обращена не столько к личности, сколько к человеческому роду, к грешной природе ветхозаветного Адама. Это преимущественно отрицательная этика, состоящая из запретов. Такие запреты, порожденные религиозным страхом, необходимы: без них человеку грозила бы опасность вернуться к состоянию дикого животного (кантовская этика долга есть высшая ступень этики закона). Однако этика эта, направленная на «социальную обыденность», проходит мимо личности. Она либо приводит к лицемерию и ханжеству, либо создает фарисейскую психологию христианского «законничества» — этот «кошмар злого добра». Этика закона носит, по мнению Бердяева, во многом «садистический характер».

Этика искупления, свободная от садизма и законничества, есть этика всепрощения, сострадания и любви. Это этика Бога-Сына, переставляющая все моральные критерии этики закона: первые в законническом благочестии будут последними перед судом Божиим, а последние (смиранные духом) станут первыми. Этика искупления обращена не к законникам, а к грешникам: здесь не отвлеченный закон, а лик Христов является путеводителем совести. В книге «Судьба человека в современном мире» Бердяев пишет о

том, что, «взяв на себя все грехи мира, Бог в аспекте Бога-Сына нисходит в первичный хаос, Ungrund, пучину свободы, из которой появляется зло...», чтобы, взойдя на крест, «покорить порочную иррациональную свободу путем просвещения ее изнутри, без насилия над ней». Но в этике искупления таятся свои опасности: она легко вырождается в «трансцендентный эгоизм», в исключительную заботу о спасении собственной души, убивающую любовь к ближнему. Поэтому этика искупления должна быть дополнена этикой творчества. И Бердяев выстраивает настоящую апологию творчества («Смысл творчества. Опыт оправдания человека» и «Судьба человека. Опыт парадоксальной этики»). Творец, говорит он, забывает о себе и заинтересован в самом акте, в самих приметах своего творчества. Поэтому творящий всегда бескорыстен: он любит свое творение, как Бог любит мир. Творящий не скован религиозным страхом, ибо человеческая творческая сила остается в нем божественным вдохновением: «Творчество стоит как бы вне этики закона и вне этики искупления и предполагает иную этику... оно обращено не к старому и не к новому, а к вечному». Иными словами, в творчестве человек становится свободным соучастником миротворения. Во время творческого процесса с человека снимается печать первородного греха, и он становится «меньшим братом Божиим».

Свою этику Бердяев называет «парадоксальной», поскольку она выходит за пределы эмпирической жизни и вступает в область трансцендентного. Суть ее он выражает в следующем замечательном афоризме: «Нравственное сознание началось с Божьего вопроса: „Каин, где брат твой Авель?“ Оно кончится вопросом: „Авель, где брат твой Каин?“» — и поясняет, что спасение невозможно, если хоть одна душа мучается в аду, «спасение может быть лишь соборным». В главе об аде («Эсхатологическая этика») Бердяев настаивает на мысли, что трагедия ада состоит не в том, что Бог не может простить грешнику его грехи, а в том,

что сам грешник не может простить их себе; что ад есть не внешняя сфера, где мучаются грешники, а абсолютное одиночество, где голос совести, заглушенный при жизни, жжет грешника страшным неугасимым огнем самоосуждения. И только когда в Геенне Огненной огонь самоосуждения выжжет из последнего грешника всю его греховность, наступит спасение для всех — в виде воскресения из мертвых в новом, преображенном теле.

Религиозные идеи

В своей автобиографии Бердяев пишет, что не получил религиозного воспитания в семье, а когда началось его «духовное пробуждение», не Библия запала ему в душу, а Шопенгауэр. Настоящее его обращение к Церкви произошло гораздо позднее, после того как он оставил идеи марксизма. Бердяев считал это обращение «новым религиозным сознанием» и «нехристианством». Он был склонен к отвержению «исторического христианства», ибо пришла «новая всемирно-историческая эпоха». «Историческое» христианство он (вслед За Мережковским) воспринимает как чисто аскетическое, полагая, что для «человека нового религиозного сознания... нужно сочетание язычества и христианства». Новые перспективы, которыми занят Бердяев, очень увлекательны: «...пространство и время должны исчезнуть»; «будет „земля“, преображенная... вневременная и внепространственная»; государство есть «одно из дьявольских искушений»; «в апокалиптическом христианстве будет вмещено то, что не вмещалось историческим христианством»; «человекобожество, богоборчество/демонизм являются божественным началом».

Правда, несколько позже Бердяев все же смягчит свой подход к вопросам религии. Он напишет о том, что «новое религиозное сознание» надо рассматривать в «неразрывной

связи со святостью и священством». Бердяев уже не хочет находиться «в области священной человеческого самомнения». Впрочем, он ожидает «глубочайшей революции», верит, что в мир входит новый религиозный принцип, наступает время «искусства, преображающего бытие». В книге «Философия свободы» он пишет, что «философия не может обойтись без религии», что она должна быть «органической функцией религиозной жизни» и даже «должна быть церковной». Знание оказывается «формой веры». Бердяев считает, что «законы логики — болезнь бытия»; индивидуальный разум ниже разума церковного, а «смысл истории — в искуплении греха». Теперь он полагает, что «обновление христианства состоит не в синтезе с язычеством, а наоборот, в освобождении христианства от языческого быта».

И вот наступает период, когда Бердяев пишет книгу «Смысл творчества», где говорит о том, что «не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в человеке». «Человек должен из состояния религиозно-пассивного... перейти в состояние религиозно-активное и творческое», — отмечает он. Это и есть «новое, небывалое еще религиозное сознание». «Бог ждет от человека откровения творчества»... и цель жизни — «не спасение, а творческое восхождение».

Все эти мотивы достигают своего высшего выражения в главной книге Бердяева (по вопросам религии, конечно) «Философия свободного духа». Бердяев не хочет быть богословом, он предпочитает оставаться философом даже тогда, когда трактует церковные темы. Он позволяет себе некоторые «вольности», рассуждая о Святой Троице и рассматривая другие вопросы, связанные с религией.

«Вся плоть мира есть символ мира», — пишет Бердяев. С его точки зрения, и Боговоплощение, и все события в жизни Спасителя (рождение, смерть, воскресение) — это лишь символ, хотя «и центральный, и абсолютный». Бердяев учит, что «Бог возжелал „другого“ и ответной любви, в

силу чего и сотворил мир», но миротворение совершилось лишь «в духовном плане», наш же природный мир «есть уже результат грехопадения». По Бердяеву, «в природном мире, замкнутом в себе, нельзя открыть смысловой связи, и природная жизнь человека лишена смысла». Бердяев не признает никакого «натурализма» в учении о Боге, он против «статического понятия о Боге».

Мы не ставим перед собой задачу досконально проанализировать богословские идеи Бердяева. Нам важна эволюция его религиозных воззрений, а она, если говорить кратко, движется к возвышению человека и ослаблению реальности Бога. Во имя этого Бердяев склоняется к антропологии и постоянно настаивает на первичности «духа», отвергая первичность «бытия».

Вот что пишет А. Ф. Косарев (История европейской философии. СПб., 2000): «Метафизика Бердяева в качестве исходного имеет понятие „Ничто“, или „Ungrund“ (по Беме, лишенный основания, первичный хаос), — некий первичный, предшествующий Богу и миру бесструктурный принцип. В этом Ничто и коренятся иррациональная свобода, которая поддерживает бесструктурность (хаотичность) и, следовательно, само существование Ничто. Из него и рождается Бог-Творец, который силою своего Духа создает из Ничто мир. Сотворение мира Богом есть, следовательно, акт вторичный».

С этой точки зрения можно сказать, что свобода не создается Богом: оба они выступают из Ничто. А это значит, что Бог не может нести ответственности за свободу, которой Он не создавал, и за все то зло, которое порождается свободой. По Бердяеву, «Бог-Создатель является Всемогущим над бытием, над сотворенным миром, но у Него нет власти над небытием, над несотворенной свободой». Эта свобода первична по отношению к добру и злу и может породить как то, так и другое. Бог может способствовать только тому, чтобы свобода создаваемых Им существ была

обращена в добро. Зло появляется тогда, когда иррациональная свобода приводит к отпадению от Бога из-за гордыни человеческого духа, желающего поставить себя на место Бога. Своей концепцией свободы Бердяев пытается разрешить основную антиномию христианского догмата, согласно которому Бог всемогущ и всеблаг: если Он всемогущ и допускает зло, значит, Он не всеблаг, а если всеблаг, но не может искоренить зло, значит, не всемогущ. Поступаясь всемогуществом Бога в пользу Его всеблагости, Бердяев тем самым впадает в ересь.

Бог есть дух. Он реально присутствует в жизни святых, мистиков, людей высокой духовной жизни и творческой деятельности. Те, кто имел духовный опыт, не нуждаются в рациональном доказательстве существования Бога. Он иррационален и сверхрационален: все попытки выразить Его через понятие неизбежно представляют собой антиномию — пару суждений, которые противоречат друг другу. Божество может раскрыть себя только символически, при помощи мифа. Символы нельзя считать просто субъективными выражениями сокровенной реальности. Это — естественная реальность, понятая в связи с ее сверхъестественным значением. Рождение Богочеловека от Девы Марии, например, и Его смерть на кресте с последующим воскресением являются действительными историческими событиями и одновременно символами. Дух необъективируем, он — субъект. Объективация духа превращает его в объект, в природу. Царство духа познается лишь внутренним взором — интуитивно, в мистическом опыте. Природа же (мир объектов) может познаваться и разумом, при помощи внешних органов чувств. Иными словами, дух есть ноумен, вещь в себе, а природа — феномен, явление. Но, говорит Бердяев, было бы ошибкой думать, что объективация происходит только в познавательной сфере; она происходит прежде всего в самом бытии. Она производится субъектом, не только как познающим, но и как бытийствующим. В результате

нам кажется реальным то, что на самом деле вторично, объективировано, и мы сомневаемся в реальности первичного, необъективированного, иррационального.

Персоналистическая метафизика

Н. А. Бердяев рассматривает человека только в свете верховной персоны Бога, возглавляющего «личную вселенную». Он считает, что человека надо рассматривать не с точки зрения того, что ниже его, а с точки зрения того, что его выше, — Бога как духа, способного придать человеку смысл его существования, перспективу, надежду, оптимизм: «Наш мир, которым для многих исчерпывается реальность, мне представляется производным. Он далек от Бога. Бог в центре. Все далекое от Бога провинциально. Жизнь делается плоской, маленькой, если нет Бога и высшего мира» (Н. А. Бердяев. «Самопознание»). Но переживание этого вне человека существующего духа совершается через духовный опыт личности: «Бог не принуждает себя признавать».

Бердяев оригинально трактует Бога не как силу, всемогущество и власть — это слишком низменно для высшей персоны. Если Бога нет, то человек целиком зависит от природы, общества, государства, если Бог есть, то человек — духовно независимое существо: «Бог есть моя свобода, мое достоинство духовного существа» (Н. А. Бердяев. «Самопознание»).

По мнению Бердяева, прогресс человечества связан не с социализацией человека (ведь первобытный человек живет в некоей общине, его среда — это общество), а с его одухотворением. Рассматривая природу человека, обнаруживаешь, что первобытные общины с их коллективным сознанием четко разделяют понятия «мы» и «они». «Они» враждебны, злонамеренны, это враги, а врагов нужно убивать. Понимание того, что человек имеет ценность сам по

себе независимо от национальности, групповой принадлежности, формулируется Иисусом в его Нагорной проповеди. Но это очень позднее прозрение, и происходит оно на довольно высокой ступени духовного развития человека. «С горечью нужно признавать, что естественно, чтобы люди ненавидели и убивали друг друга, но сверхъестественно, духовно, чтобы они любили друг друга, помогали друг другу», — пишет Бердяев. Но только этот путь достоин человека, однако здесь много трудностей и ловушек. Вот человек преуспел: овладел навыками труда и ремеслами, знаниями тайн природы, он стал гордиться собой, то есть стал самодостаточным, но тут его начинают подстерегать опасности.

Когда человек остается с самим собой, перестает руководствоваться духовным Абсолютом-Богом, он создает идолов, в том числе политических. При отсутствии Бога самоутверждающаяся человечность легко переходит в бесчеловечность. Это видно на примере философии Ницше и Маркса. Ницше отрицает и уничтожает человека, который исчезает в сверхчеловеке. Маркс начинает с защиты человека, с гуманизма и заканчивает уничтожением человеческой личности в коллективе. Их человек порывает с христианской моралью.

Свою задачу Бердяев видит в том, чтобы бороться за такое общество, в котором высшей ценностью будет человеческая личность: «Живое конкретное существо, вот этот человек, выше по своей ценности, чем отвлеченная идея добра, общего блага, бесконечного прогресса и пр. Это есть христианское отношение к человеку... Только христианство требует человеческого отношения к врагу». Но смысл христианского смирения не в том, чтобы рабски покориться злу, а в духовном акте преодоления эгоцентризма». Дух преображает природный мир и историю; человек с сильно выраженной духовностью не вне мировой истории, а в ней активно действует, но он свободен от этого мира, он

преображает его, он должен взять на себя ответственность не только за близких, но и за народ, за человечество, даже за весь этот мир.

Человек и свобода

Этой теме посвящена статья И. Н. Лосевой «Оправдание человека Н. А. Бердяевым», помещенная в сборнике «Русские мыслители» (М., 2003). «Разгадка бытия для человека скрыта в самом человеке, — пишет Лосева. — Человек — и предмет познания, и сам познающий. Он недоволен собой, он может себя перерастить, его природа изменчива и находится в развитии, но это развитие связано не с приходной необходимостью, а со свободой. Свобода — наиболее фундаментальная характеристика человеческой личности, она в то же время критерий прогресса, культуры, совершенства человеческого общества».

Н. А. Бердяева называли философом свободы; сам же мыслитель писал: «Я изошел от свободы, она моя родительница. Свобода для меня первичнее бытия... Я положил в основание философии не бытие, а свободу... Я изначально любил свободу и мечтал о чуде свободы... Но я всегда знал, что свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание» (Н. А. Бердяев. «Самопознание»).

Н. А. Бердяев целиком разделяет точку зрения Ф. М. Достоевского на свободу как на тяжелое бремя: она трудна, и люди, чтобы свалить бремя ответственности, отказываются от свободы. В этом смысле Бердяев говорит об аристократичности свободы: она не демократична, потому что «огромная масса людей совсем не любит свободы и не имеет ее». Опыт свободы есть первичный опыт, для Бердяева свобода изначально, в его жизни она первичнее даже абсолютного совершенства — Бога, так как нельзя принять принудительного насильственного совершенства.

По Бердяеву, свобода — это не только выбор между добром и злом и несение ответственности, а способ определить

личность изнутри, личная независимость, творческая сила личности, созидание. Через свободу и в свободе познается истина, ибо навязанная истина, требующая отречения от свободы, это «чертов соблазн»: никакой авторитет не может навязать истину, она принимается свободно, а не через внешний авторитет. Под истиной здесь подразумевается Бог. Прийти к Богу можно только свободно. Жизнь в Боге — это и есть свобода, которая несет творческую новизну. Через свободу и в свободе формируется теодицея и антроподицея. В корне этих двух слов находится греческое «теос» — Бог и «антропос» — человек, а «дицея» от греческого «дике» — справедливость, отношение по справедливости в этих словосочетаниях означает оправдание. Итак, «теодицея» значит оправдание Бога. В чем необходимо оправдывать Бога, разве он не абсолют, то есть не совершенные Добро, Истина и Красота? «Меня более всего мучило зло мировой и человеческой жизни», — писал Н. А. Бердяев.

Не только Бердяев был мучим «падшестью мира», то есть его несовершенством и злом, переполняющим его до краев. Все выдающиеся умы, начиная с раннего средневековья, мучились вопросом: если Бог добр, почему в мире столько зла? Знаменитый схоластик XIII века Фома Аквинский, этот выдающийся ум зрелой философской схоластики, «ангелический доктор», как его называли современники, считал, что коль скоро Бог замыслил человека свободным и свободно выбирающим между добром и злом, то ответственность за зло лежит на человеке, значит, он сам выбрал зло. Ф. М. Достоевский в «Поэме о Великом Инквизиторе» с убеждением пишет, что Богу пришлось допустить зло, чтобы оставить свободу человеку, ибо насильственно навязанное добро в конечном счете таковым и является: условием добра остается свобода. Эта мысль близка и Н. А. Бердяеву. Но ему трудно думать, что весь груз ответственности за зло лежит на человеке, он верит в высшую природу человека, созданного по образу и подобию Бога.

Итак, оправданием Бога занялся Фома Аквинский, а кто же оправдает человека? Эту миссию Бердяев считал необходимым взять на себя. Так он начал создавать антроподицею, то есть учение об оправдании человека творчеством и через творческую свободу.

Творчество человека как антроподицея

Сейчас речь пойдет о фундаментальном открытии Н. А. Бердяева, в результате чего он стал кумиром творческой интеллигенции в России и в Западной Европе в первой половине XX столетия. Идеи антроподицеи, высказанные в его работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916), развились и в последующих работах.

Здесь нельзя снова не процитировать статью И. Н. Лосевой: «Что такое творчество? Многие считают, что это творение музыки, полотен, стихов, романов. Бердяев понимал под творчеством потрясение, подъем, стремление к высшей ступени жизни, в то же время человек в этот момент забывает о себе, он устремлен к тому, что выше его. Творческое горение — это не просто осознание собственного несовершенства, это обращение к иному миру с целью преобразовать мир существующий. Творчество — это не поглощенность собой, а выход из себя, освобождение. Творить можно только свободно, но свобода не имеет другого основания, она ничем не определяется, а выходит как бы из ничего. Откуда в творчестве новизна? На этот вопрос никто не может ответить, это и есть тайна творчества. Художественное творчество очень наглядно раскрывает сущность любого творческого акта: недаром Творца часто называют художником.

Всякий художественный порыв есть преображение мира хотя бы в какой-то частичной форме. Восприятие красоты в мире постигается в свободном творчестве, но на нём лежит печать трагизма: то, что сотворено, всегда ниже того, что замысливалось: „У великих художников была великая

творческая энергия, но она никогда не могла адекватно реализоваться в их искусстве. В творческом экстазе был прорыв в мир иной; творить себя или творить художественное произведение, которое станет лишь символом иного мира" (Н. А. Бердяев. „Смысл творчества“). По Бердяеву, жизнь Л. Н. Толстого была мучительным переходом от творчества совершенных художественных произведений к творчеству совершенной жизни».

Вообще творчество гения Бердяев приравнивает к святости. В начале XIX века, по его мнению, в России жили два замечательных человека — А. С. Пушкин и приравненный к лику святых Серафим Саровский. Святой Серафим ничего не творил, кроме самого себя, и только этим преображал мир. Пушкин творил бессмертную ценную на все времена русскую литературу, но себя не творил. «В творчестве гения есть как бы жертва собой... Я верю глубоко, что гениальность Пушкина перед людьми, как бы губившая его душу, перед Богом равна святости Серафима, спасавшего свою душу. Гениальность есть иной религиозный путь, равноценный и равнодостоинный пути святости. Творчество гения есть не „мирское“, а „духовное“ делание. Благословенно то, что жили у нас святой Серафим и гений Пушкин. Для божественных целей гениальность Пушкина так же нужна, как и святость Серафима. И горе, если бы не был нам дан свыше гений Пушкина, и несколько святых не могли бы в этом горе утешить. С одной святостью Серафима без гения Пушкина не достигается творческая цель мира» (Н. А. Бердяев. «Смысл творчества»).

Бердяев определяет гениальность как «мир иной» в человеке, как раскрытие «нездешней» творческой природы человека, его назначения. Гениальная жизнь знает минуты блаженства в порыве, в экстазе, но не знает покоя и счастья, находясь в трагическом разладе с миром. Он сравнивает гений и талант. Талант, по Бердяеву, — это свойство разных профессионалов, а гений принадлежит всему человеку:

«Талант создает ценности и оценивается, в нем есть умеренность и размеренность, в гениальности всегда безмерность. Талант есть послушание. Гениальность от „мира сего“». В судьбе гениальности есть святость жертвенности, которой нет в судьбе таланта» (Н. А. Бердяев. «Смысл творчества»). Поэтому гениальность — это раскрытие жертвенного образа и подобия Бога в человеке, а потому оправдывает человека. Так решается Бердяевым проблема антропоидии: человек, решившийся на прорыв из естественного мира посредством творческого акта в мир божественный, духовный, достоин оправдания, он побеждает зло.

Личность и общество

Прежде чем говорить о влиянии общества на личность, как это понимал Бердяев, попробуем разобраться в том, как он различал понятия *человек*, *индивид*, *индивидуальность*, *личность*.

Человек для Бердяева — это человечество, род человека, в отличие, например, от рода млекопитающих. О взглядах Бердяева на человека мы уже говорили. Индивид же — это отдельный человек. Попробуем различить понятия *индивидуальность* и *личность*. Разница между ними для Бердяева принципиальна. Отдельный человек может иметь яркую индивидуальность, например, способности к пению, рисованию, стихотворчеству, владеть актерским мастерством, быть прекрасным оратором и пр. Личность — это «прорыв духа в природу». «Нужно отличать „я“ с его эгоцентричностью от „личности“. „Я“ есть первичная данность, и оно может сделаться ненавистным, как говорил Паскаль. „Личность“ же есть качественное достижение» (Н. А. Бердяев. «Самопознание»).

Личность немислима без работы духа над душевным и телесным состоянием человека. Ее мышление, душа (эмоциональная сторона жизни) и тело едины: это целое, а не часть, и это целое есть смысловая категория. Личность —

обнаружение смысла существования. Она должна быть открыта ко всем сторонам природной и социальной жизни, ей не следует сосредоточиваться на себе, но она и не должна рабствовать миру, а это случается, если личность признает мир и не признает Бога. Бердяев подчеркивает, что быть атеистом неаристократично. Если нет Бога, то человек — раб мира. Аристократизм, по Бердяеву, предполагает личностное совершенствование, пределов которому нет, перед лицом вечного совершенства — Бога. Только аристократу духа, подлинной личности, не страшно оказаться наедине с вечностью: большинство индивидов требует слияния с группой, партией, кланом.

Личность — ценность сама по себе, она не может рассматриваться как средство, но лишь как цель. Конечно, Бердяев понимал, что существование личности как цели, когда общество становится средством для совершенствования отдельной личности, — дело бесконечного будущего. Здесь можно скорее говорить о человечестве в целом, но личность должна требовать к себе такого отношения, а общество, в том числе и государство, не очень-то с этим считается. Но государству удобно иметь дело с элементами общей массы, которыми легко управлять, нежели с отдельными личностями, утверждающими себя как цель.

Вообще Бердяев убежден, что общество стремится нивелировать личность, что оно враждебно личности, и еще больше это относится к государству. Личность всегда в конфликте с обществом и государством, это ее изначальная характеристика. Он видит некий символ в том, что слово *личность* — калька с латинского слова *персона*, что первоначально означает *маска*. Личность пытается скрыться от всех под этой маской, защитить себя от растерзания миром, остаться самой собой. Под маской личность не может выйти из одиночества, она пытается его преодолеть, например, в различных культах (как это было в древности в культе бога вина и виноделия Диониса, в дионисических

мистериях-тайнствах, в собраниях, шествиях с факелами (как у фашистов), демонстрациях со знаменами (как в советские времена), что приводило к уничтожению личности. Так человеческое лицо (личина-маска) символизирует тайну личности.

Бердяев прослеживает историю становления личности до тех времен, когда в эпоху Возрождения личность была провозглашена равной по сравнению с эпохой средневековья, где существовали жесткие сословные перегородки. Тогда в умах господствовала идея сословного неравенства, и преодолевалось оно только в церковной организации, где все независимо от рождения имели право подняться с самого низа церковной иерархической лестницы на самый верх. Мыслители эпохи Возрождения в борьбе против средневекового мировоззрения, основанного на сословном неравенстве, провозгласили равенство всех по рождению и призвали государства предоставить своим гражданам равенство возможностей — это стало неотъемлемым принципом современных буржуазных демократий. Но есть еще больший фактор, который общество и государство не могут устранить, — онтологическое неравенство. Слово *онтология* происходит от греческого *то он*, что означает *это есть* (сущее) или *это имеется*. В самом бытии человека, в факте его индивидуального существования кроется неравенство индивидов. Онтологическое неравенство определяется не социальным положением людей, а их качеством, их природными данными, их психофизической организацией. Это глубокое и зечное неравенство в призвании и высоте, оно з принципе неустранимо. К сожалению, з общественном сознании нашей эпохи на обыденном уровне идея равенства в возможностях и правах устроена как идея всеобщего равенства людей, не допускающего единичности, неповторимости, неравенства всех личностей по отношению друг к ДРУГУ.

Историософские идеи

Историософские идеи Бердяева, высказанные им главным образом в работах «Смысл истории» (1922), «Философия неравенства» (1923) и «Новое средневековье» (1923), исходят из третьего вида свободы, обращенного к Богу, а точнее, из его этики и персоналистских идеалов. Исторический процесс, считает он, состоит в борьбе добра с иррациональной свободой: мессианство — основная тема истории. «Три силы действуют во всемирной истории: Бог, судьба и человеческая свобода. Вот почему история является столь сложной. Судьба превращает человеческую личность в арену иррациональных сил истории... и человек чувствует себя отрешенным от Бога... Христианство признает, что судьба... может быть преодолена только через Христа». Когда иррациональная свобода достигает господства, реальность начинает распадаться и возвращаться к первичному хаосу. Крайней формой возврата к хаосу в обществе являются революции: они способны не создавать, а только разрушать. Но даже в творческие эпохи истории, которые наступают обычно после революций, люди никогда не достигали тех целей, которые они перед собой ставили, ибо цели эти были направлены, как правило, на достижение материального благополучия, а не духовного, развивали в человеке эгоистические наклонности, а не соборные. Христианство, говорит Бердяев, принесло человечеству Благоую весть; гуманизм же есть ценность человеческой свободы. Но современное человечество отвернулось от Царства Божия ради мечты о царстве человеческом и от свободы, предпочитая ей мечту о сытом довольстве. Вместо органической культуры человечество стало создавать механистическую цивилизацию, сама устремленность которой антирелигиозна и антигуманна. Вместо образа и подобия Божия человек становится образом и подобием бездушной машины. Капиталистическая цивилизация стала истреблением духа вечно-

сти, духа святости: не церковь, а биржа определяет и регулирует жизнь общества. Но и коммунизм, возникший, по убеждению Бердяева, как протест против буржуазной культуры, не лучше, ибо он заражен материалистическим и безбожным духом этой ложной культуры. Через коммунизм буржуазная культура движется от гуманизма к варварству — к «новому средневековью», которое гораздо хуже прежнего. Тип монаха и рыцаря, сильного своей духовной собранностью, уступает место типу торгаша и шофера — «технизированного дикаря», с тем чтобы уступить место типу комиссара и чекиста, тиранящего народ.

Цель и смысл исторического процесса находятся, по мнению Бердяева, за пределами истории и, следовательно, вне времени и пространства: они составляют лишь фон истории. Этот фон улавливается религиозным сознанием и воспринимается им в образе Царства Божия (добро) или царства Антихриста (зло). А поскольку человек — существо изначально религиозное, он устремляется в конце концов либо вверх — к Царству Божьему, либо вниз — к царству Антихриста. Особенно это характерно для русского народа, склонного впасть в крайности. «Русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле этого слова... Он хочет или Царства Божия, братства во Христе, или товарищества в Антихристе, царства князя мира сего. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада отрешенность от земных забот и дел».

Впрочем, размышлениям выдающегося философа о России и русской интеллигенции мы посвятим специальную главу.

ПО СТРАНИЦАМ «САМОПОЗНАНИЯ»

Автобиографические книги бывают разные. Многие из них раздражают своим эгоцентризмом или невероятным количеством собранных фактов и событий, интересных, в сущности, только самому автору. А бывают такие, от которых невозможно оторваться, будь то дневник, позволяющий проследить за жизнью автора год за годом, день за днем, или исповедь, или воспоминания, служащие материалом для истории (например, «Былое и думы» Герцена). Книга Бердяева «Самопознание» завораживает с первых же слов, с первых же страниц. Интересен даже тот факт, что Бердяев не относит ее ни к одному из перечисленных типов мемуарной литературы. «Я никогда не писал дневника. Я не собираюсь публично каяться. Я не хочу писать воспоминаний о событиях жизни своей эпохи, не такова моя главная цель. Это не будет автобиографией в обычном смысле слова, рассказывающей о моей жизни в хронологическом порядке. Если это и будет автобиографией, то автобиографией философской, историей духа и самосознания».

Память всегда активна, она сама решает, какие события выдвинуть на первый план, а какие оставить в забвении — иногда навсегда, а иногда до поры до времени. Бердяеву важно, чтобы между фактами его жизни и книгой о них лежал акт познания: «В книге, написанной мной о себе, не будет выдумки, но будет философское познание и осмысление меня самого и моей жизни». Это слова человека, соотносившего все события своего времени с собственным духовным развитием. А настоящее осмысление, по мнению Бердяева, как раз и заключается в том, чтобы понять все происшедшее с миром, как с самим собой. Стремясь именно к такому осмыслению, философ сталкивается с основным противоречием: «С одной стороны, я переживаю все события моей эпохи, всю судьбу мира как события, про-

исходящие со мной, как собственную судьбу, с другой стороны, я мучительно переживаю чуждость мира, далекость всего, мою неслиянность ни с чем».

Бердяеву пришлось жить в эпоху, катастрофическую и для России, и для всего мира. На его глазах рушились целые миры и возникали новые; он видел великое множество исковерканных судеб, «приспособления и измены людей».

Эпохи, наполненные событиями, принято называть интересными и значительными, а вот как в них живет отдельным людям или даже целым поколениям? «История не щадит человеческой личности и даже не замечает ее. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание, и изгнание мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России... Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на Север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании». При этом Бердяев отмечает, что никогда не был человеком политическим. Гражданское чувство, которое было ему присуще больше, чем кому бы то ни было, он воспринимает в более глубоком смысле, нежели в «общественном». «Я всегда был „анархистом“ на духовной почве и „индивидуалистом“».

Итак, в книге «Самопознание» размышления занимают куда больше места, чем воспоминания. Главы ее расположены не в строго хронологическом порядке, а по темам и проблемам, волнующим автора в тот или иной жизненный период.

Даже живя на Западе и признавая в себе наличие «западного элемента», Бердяев по-прежнему чувствовал свою при-

надлежность к русской интеллигенции, искавшей правду. Он считал себя наследником традиций славянофилов и западников, идей Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мировоззрений, и более всего Достоевского и Толстого, Соловьева и Федорова. «Я русский мыслитель и писатель. И мой универсализм, моя вражда к национализму — русская черта. Кроме того, я сознаю себя мыслителем аристократическим, признавшим правду социализма. Меня даже называли выразителем аристократизма социализма».

По признанию самого автора, весь биографический материал дан в книге сухо и зачастую схематично: «Эти части книги мне нужны были для описания разных атмосфер, через которые я проходил в истории моего духа. Но главное в книге не это, главное — самопознание, познание собственного духа и духовных исканий. Меня интересует не столько характеристика среды, сколько характеристика моих реакций на среду».

В первой главе Бердяев пишет о своем детстве, вернее, о своем восприятии собственного детства — о том остром чувстве «особенности, непохожести на других», которое не позволяло ему слиться с окружающим миром. С присущим «особенным» людям ощущением оторванности от всех он старался «сделать вид, притвориться», что такой же, как все, никак не смешивая свое чувство особенности с самоунижением. «У меня... было чувство неприспособленности, отсутствие способностей, связанных с ролью в мире. Меня даже удивляло, что впоследствии при моей неспособности к какому-либо приспособлению и конформизму я приобрел большую европейскую и даже мировую известность и занял „положение в мире“».

Свое «Я» он воспринимал, как слияние двух миров: «ей мир» переживался им, «как не подлинный, не первичный и не окончательный», зато «мир иной» казался более реальным, подлинным, и глубина «Я» принадлежала именно ему.

«Действительности противостоит мечта, и мечта в каком-то смысле реальнее действительности». Однако Бердяев не вполне был согласен с теми, кто мог бы назвать это ощущение романтизмом, как не соглашался с определением собственной обособленности словом «индивидуализм». «У меня всегда было очень реалистическое, трезвое чувство действительности, была даже очень малая способность к идеализации и к иллюзиям». Бердяев находил в себе такое мучительное, по его словам, чувство, как «брезгливость к жизни» — и физическую, и душевную: «У меня совсем нет презрения, я почти никого и ничего не презираю. Но брезгливость ужасная». Физическая брезгливость его проявлялась в острой чувствительности к миру запахов реальных, а душевная, которая мучила не меньше, — к дурным нравственным запахам: интригам, закулисной стороне политики.

Бердяев считал себя полностью лишенным изобразительного художественного дара, был уверен в том, что, несмотря на имеющиеся у него свойства, необходимые беллетристу, никогда не написал бы романа из-за бедности словесной и отсутствия образов. Однако он признавал наличие в себе очень большой силы воображения, что зачастую играло отрицательную роль в его жизни. «Я находил в себе духовные силы пережить смерть людей, но совершенно изнемогал от ожидания этой смерти в воображении». Эта черта сближала его с Шатобрианом при полном несходстве во всем остальном. Бердяев видел в нем ту же меланхоличность и ту же неспособность получить от чего бы то ни было удовлетворение, которые находил в себе самом. Он обладал чертой, сближавшей его с Ницше: «У Ницше была огромная потребность в энтузиазме, в экстазе при брезгливом отвращении к жизни».

Итак, Бердяев не считал себя романтиком в действительности: он полагал, что у него скорее было романтическое отношение к мечте. «Я никогда не любил рассказов об эмоциональной жизни людей, связанных с ролью любви... Еще

большее отталкивание вызывало во мне все связанное с человеческим самолюбием и честолюбием, с борьбой за преобладание. Я старался не слушать, когда говорили о конкуренции между людьми. Я чувствовал облегчение, когда речь переходила, в сферу идей и мысли... Мне часто казалось, что я в сущности в жизни не участвую, слышу о ней издали и лишь оцарапан ею».

В самом начале этой книги мы приводили слова Бердяева, сказанные им в «Самопознании» и составляющие, пожалуй, основной пафос его философии. Повторим их здесь: «Я не любил „жизни“ прежде и больше „смысла“, я „смысл“ любил больше жизни, „дух“ любил больше мира». Не получая удовлетворения от переживания самой жизни, Бердяев испытывал наслаждение «от воспоминания о жизни или мечты о жизни». Он не считал себя аскетом, но физиологические потребности ставил на второе место после установок духа, направленности сознания.

Бердяев приводил целый ряд противоречий, свойственных человеку вообще и ему самому в частности: «Таково, например, сочетание гордости и смирения. Я всегда считал себя существом многоплановым и многоэтажным... Я... никогда не хотел иметь вид человека, возвышающегося над людьми, с которыми приходил в соприкосновение. У меня была даже потребность привести себя во внешнее соответствие со средними людьми. ...Я любил стусевываться. ...За этим внешним пластом скрывалась, вероятно, гордость, но гордость, которой я не хотел обнаруживать». Гордостью же Бердяев объясняет отсутствие в себе честолюбия и славолюбия, немалую роль отводя в этом и своему равнодушию. Ему казалась безразличной, а иногда даже смущавшей высокая оценка его труда другими людьми — последователями и единомышленниками. Он видел в этом стеснение собственной творческой свободы: «Лучше всего я себя чувствовал при конфликте, тогда мысль моя достигала наибольшей остроты».

Есть еще одно противоречие, которое философ остро сознавал: «Я всегда был человеком чрезвычайной чувствительности, я на все вибрировал. Всякое страдание, даже внешне мне малозаметное, даже людей совсем мне не близких я переживал болезненно... И вместе с тем эта гиперчувствительность соединялась во мне с коренной суховатостью моей природы. Моя чувствительность сухая... Я всегда очень любил сады, любил зелень. Но во мне самом нет сада». Вследствие ощущаемой им сухости души ему было трудно строить эмоциональные отношения с людьми, и, вероятно, с этим связана его исключительная любовь к животным: «Это любовь человека, который имеет потребность любви, но с трудом может ее выражать в отношении к людям. Это обратная сторона одиночества».

Следующим противоречием Бердяев называет сочетающиеся в нем мечтательность и реализм. Он по-прежнему настаивает на том, что романтиком его можно было бы назвать только в особом смысле. «Я мало разочаровывался, потому что мало очаровывался. Я не любил возвышенного вранья, возвышенно нереального восприятия действительности... Я не делаю себе никаких иллюзий о действительности, но считаю действительность в значительной степени иллюзорной». Еще более важной своей особенностью Бердяев считает невозможность примириться с чем-то «преходящим, временным, тленным, существующим лишь на короткий миг»: «Я никогда не мог ловить счастливых мгновений жизни и не мог их испытать. Я не мог примириться с тем, что это мгновение быстро сменяется другим мгновением». Он с трудом переносил расставание как с людьми, так и с вещами и местами: «Я, очевидно, принадлежу к религиозному типу, который определяется жаждой вечности... Если нет вечности, то ничего нет. Мгновение полноценно, лишь если оно приобщено к вечности...» Вместе с тем Бердяев считал себя человеком, устремленным к будущему. Проблему времени он считал основной проблемой философии, особенно

философии экзистенциальной. Реальный мир не казался ему бесконечным, напротив, он воспринимал его как нечто ограниченное по сравнению с беспредельным миром, раскрывавшемся в нем самом. Бердяев снова спорит с теми, кто приписывает ему ложный, по его представлению, романтизм. Свою нелюбовь ко всяческим достижениям в реальном мире он объясняет следующим образом: «Мне это представляется приспособлением к миру, лежащему во зле». Философ не верит в возможность совершенной реализации в реальном мире: «Совершенство достижимо лишь в бесконечном». Он признает лишь духовную революционность: «...Дух революционен, материя же консервативна и реакционна». Дух стремится к вечности, материя же — понятие временное.

Основным фактом своей биографии Бердяев считал переход из мира аристократического в мир революционный, воспринимая его как «борьбу за право свободной и творческой мысли для себя». Сознание собственного призвания было в нем очень сильно, но сам он понимал, что для осуществления своей задачи ему не хватало выдержанности. Он снова и снова искал в себе противоречия: «Я больше всего любил философию, но не отдавался исключительно философии; я не любил „жизни“ и много сил отдал „жизни“, больше других философов; я не любил социальной стороны жизни и всегда в нее вмешивался; я имел аскетические вкусы и не шел аскетическим путем... Я никогда не действовал по рассуждению, в моих действиях всегда было слишком много импульсивного. Я сознавал в себе большую силу духа, большую независимость и свободу от окружающего мира и в обыденной жизни часто бывал раздавлен беспорядочным напором ощущений и эмоций. Я был бойцом по темпераменту, но свою борьбу не доводил до конца, борьба сменялась жаждой философского созерцания... Если во мне был эгоизм, то это был скорее эгоизм умственного творчества, чем эгоизм наслаждений, жизни, к которым я никогда не стремился. Я никогда не искал счастья. Во имя свое-

го творчества я мог быть жестоким. ...В моем „я“ есть многое не от меня. В этом сложность и запутанность моей судьбы».

* * *

Основной темой Бердяев считал тему одиночества, обратной стороной которой являлась тема общения. «Чуждость и общность — вот главное в человеческом существовании, вокруг этого вращается и вся религиозная жизнь человека». Религию философ воспринимал, как некую возможность преодоления чуждости людей, как средство достижения близости, родственности. Он никогда не считал себя частью объективного мира, не чувствовал своего места в нем, и эта «неукорененность» в мире собственно и стала основой его мировидения. «Я защищался от мира, охраняя свою свободу. Я — выразитель восстания личности против рода. И потому мне чуждо стремление к величию и славе, к силе и победе». Бердяев говорит, что с детства для него герои литературных произведений были более реальными, чем окружающие люди. Но даже после этого он не считает себя романтиком: «Я не жил в состоянии иллюзорности... Я даже слишком трезво реалистически воспринимал окружающий мир, но он был мне далеким, неслиянным со мной... Я чувствовал себя существом, не произошедшим из „мира сего“ и не приспособленным к „миру сему“».

Бердяев не стремился быть причисленным к какой бы то ни было группировке, партии, остро ощущая чуждость каждой из них. «Это чувство чуждости, иногда причинявшее мне настоящее страдание, вызывало во мне всякое собрание людей, всякое событие жизни». И все-таки он не причисляет себя к людям равнодушным, считая себя скорее активным, нежели пассивным человеком. Будучи «по чувству жизни» человеком асоциальным, он тем не менее любил общество людей, «много общался с людьми, много участвовал в социальных действиях», видимо, потому что «обще-

ние, столкновение с людьми возбуждало и обостряло... мысль». Однако он отмечал, что, находясь в обществе людей, никогда не был самим собой, всегда носил некую маску, с помощью которой защищал собственный внутренний мир. Именно поэтому отзывы окружающих о нем «поражали... своей неверностью». «Я наиболее чувствовал одиночество именно в обществе, в общении с людьми». Основное противоречие, пишет Бердяев, заключалось в следующем: «Вопросы социального порядка вызывали во мне страсти... И вместе с тем всякий социальный порядок, мне чужд и далек». В молодости он посещал марксистские кружки, делал там доклады, спорил, вел пропаганду, но... «Но я всегда приходил как бы из другого мира и уходил в другой мир. Я никогда не достигал в реальности того, что было в глубине меня». Человек, находящийся в столь дисгармоничном соотношении с мировой средой, не может не чувствовать одиночества: «Острое переживание одиночества и тоски не делает человека счастливым. Одиночество связано с неприятием мировой данности».

Бердяева, по его словам, не сильно задевали оценки людей. Он признает, что его любили отдельные люди, но не любили те, кто создавал «общественное мнение», то есть светское общество, марксисты, широкие круги интеллигенции, политические деятели, представители официальной академической философии и науки, литературные, а также церковные круги. Он не приспособился и всегда находился в оппозиции либо в конфронтации. «Я никогда не чувствовал восторга и экстаза слияния, ни религиозного, ни национального, ни социального, ни эротического, но много раз испытывал экстаз творчества, часто испытывал экстаз разрыва и восстания». Для того чтобы испытать это состояние экстаза, Бердяеву вовсе не нужно было сливаться с коллективом: «В экстаз меня приводит не бытие, а свобода. Это определяет весь тип моего философского мирозерцания». При этом он не считает себя человеком, погруженным толь-

ко в самого себя и занимающимся исключительно самоанализом, его притягивает все «другое, выходящее за грани и пределы, заключающее в себе тайну». И все-таки он не может преодолеть одиночество: «Это одиночество очень мучительно. Иногда мне удавалось преодолеть его в мысли. Иногда же одиночество радовало, как возвращение из чуждого мира в свой родной мир. Этот родной мир был не я сам, но он был во мне».

С детства у Бердяева обострилось чувство призвания: будучи подростком, он почувствовал в себе задатки философа, но при этом не мечтал о том, например, что напишет диссертацию и станет профессором, о карьере вообще не думал: «Я так же плохо представлял себя в роли профессора и академика, как и в роли офицера и чиновника или отца семейства, вообще в какой бы то ни было роли в жизни. Когда я осознал себя призванным философом, то с этим осознал себя человеком, который посвятит себя исканию истины и раскрытию смысла жизни». Бердяев рано начал читать философские книги, изучив работы Шопенгауэра, Канта, Гегеля. Все это способствовало формированию внутреннего мира, который он противопоставлял миру внешнему. Он понял, что у каждого человека этот внутренний мир свой, а потому и внешний мир представляется всем по-разному. Канта и Гегеля он смог понять, когда раскрыл в себе самом тот же, что и у них, мир мысли: «Я ничего не мог узнать, погружаясь в объект, я узнаю все, лишь погружаясь в субъект».

Бердяеву всегда казалось, что его плохо понимают, он связывал это со своей скрытностью, неумением выражать свои чувства, ему легче было выражать мысли. «Моя сухость, может быть, была самозащитой, охранением своего мира. Выражать свои чувства мешала также стыдливость, именно стыдливость, а не застенчивость». Ему всегда было легче говорить в обществе, среди множества людей, нежели наедине с кем-то, разговор вдвоем был для него крайне

труден, поскольку предполагалось некое интимное общение. Бердяеву было чуждо любое проявление патетизма, особенно выраженного патетизма чувств.

Бердяев никогда ничего специально не добивался, не ждал никаких преимуществ, которые мог бы ему дать внешний мир, и всегда удивлялся, если эти преимущества получал. Он никогда не осуждал людей, проявлял по отношению к ним большую личную терпимость, которая, по его словам, соединялась с нетерпимостью: «Я делался нетерпим, когда затрагивалась тема, с которой в данный момент связана была для меня борьба».

И все-таки он чувствовал, а точнее, его беспокоило сознание того, что развития внутреннего мира недостаточно — необходимо какое-то действие вовне. Именно с этим связана его «непреодолимая потребность осуществить свое, призвание в мире, писать, отпечатлеть свою мысль в мире». Вместе с тем философа не покидало, сознание трагической неудачи любого действия вовне: «Меня ничто не удовлетворяет, не удовлетворяет никакая написанная мной книга, никакое сказанное мной вовне слово».

Бердяев никогда не надеялся быть до конца понятым людьми и, даже размышляя о собственном одиночестве, подзревал, что и здесь оценка их будет далека от истины: «Неверно поняли бы мою тему одиночества, если бы сделали заключение, что у меня не было близких людей, что я никого не любил и никому не обязан вечной благодарностью. Моя жизнь не протекала в одиночестве, и многими достижениями моей жизни я обязан не себе. Но этим не разрешалась моя метафизическая тема одиночества. Внутренний трагизм моей жизни я никогда не мог и не хотел выразить. Поэтому я никогда не мог испытать счастья и искал выхода в эсхатологическом ожидании».

Естественным продолжением, а точнее, следствием темы одиночества является тема тоски. Тоска сопровождала Бердяева на протяжении всей жизни, достигая в различные периоды большей или меньшей остроты и напряженности. Философ, однако, считает необходимым делать различие между такими понятиями, как «тоска», «страх» и «скука». «Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность с трансцендентным, бездну между мной и трансцендентным. Но она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного. Это есть до последней остроты доведенный конфликт между моей жизнью в этом мире и трансцендентным. Тоска может пробуждать богосознание, но она есть также переживание богооставленности».

Страх и скука, по Бердяеву, направлены не на высший, а на низший мир: «Страх говорит об опасности, грозящей мне от низшего мира. Скука говорит о пустоте и пошлости этого низшего мира». Философ не видит ничего страшнее этой пустоты, для него проще переживать тоску, нежели скуку: «В тоске есть надежда, в скуке — безнадежность». Бердяев также делает различие в понятиях «страх» и «ужас». Страх, по его мнению, всегда связан с эмпирической опасностью, а ужас — с тоской бытия и небытия. Вот что он пишет: «Тоска и ужас имеют родство. Но ужас гораздо острее, в ужасе есть что-то поражающее человека. Тоска мягче и тягучее. Очень сильное переживание ужаса может даже излечить от тоски. Когда же ужас переходит в тоску, то острая болезнь переходит в хроническую».

Бердяев, по его словам, мог переживать тоску и ужас, но совершенно не мог выносить печали и всегда стремился от нее избавиться. Он слишком сильно переживал все трогательное, а потому сознательно его избегал. Печаль для него была сродни жалости, и он боялся власти, которую она

могла приобрести над его душой. Бердяев называл Тургенева художником печали, а Достоевского — художником ужаса. «Печаль душевна и связана с прошлым... Ужас связан с вечностью. Печаль лирична. Ужас драматичен». Он старался отгородиться от печали, но вполне допускал тоску, полагая, что она не истребляет его. Бердяев признает свою склонность к пессимизму, ему всегда было трудно принять «благозность творения» (он считает это следствием влияния философии Шопенгауэра). Причем обратной стороной подобного неприятия Бердяев считает «культ человеческого творчества». Мыслителя поражает тот факт, что наиболее острую тоску он испытывал в так называемые «счастливые» минуты жизни: «Я всегда боялся счастливых, радостных минут. Я всегда в эти минуты с особенной остротой вспоминал о мучительности жизни». Если бы он умел, «как многие, идеализировать и поэтизировать такие состояния, как тоска, отчаяние, противоречия, сомнение, страдания», возможно, ему было бы легче переживать их, но он считал эти состояния уродливыми.

Философ отмечает, что сильнее переживал тоску в юности, нежели в зрелые годы, связывая это с ощущением неуверенности в возможности реализовать свои силы. «В юности есть надежды на то, что жизнь будет интересной, замечательной, богатой необыкновенными встречами и событиями. И всегда есть несоответствие между этой надеждой и настоящим, полным разочарований, страданий и печалей, настоящим, в котором жизнь ущерблена». По Бердяеву, тоска может быть порождена не недостатком сил, а, напротив, их избытком. Он снова повторяет свою мысль о том, что наиболее остро ощущал тоску в радостные моменты жизни, мучительно переживая их контраст с «трагизмом жизни в целом»: «Тоска в сущности всегда есть тоска по вечности, невозможность примириться с временем. В обращенности к будущему есть не только надежда, но и тоска. Будущее всегда в конце концов приносит смерть, и

это не может не вызывать тоски. Будущее враждебно вечности, как и прошлое. Но ничто не интересно, кроме вечности». Бердяев признается в том, что у него всегда была «настоящая болезнь временем». Это выражалось в том, что он «всегда предвидел в воображении конец и не хотел приспособляться к процессу, который ведет к концу». Он считал, что эта «болезнь» и есть причина его нетерпения. Особую тоску философ связывал с переживанием любви, не понимая людей, которые «видели в этом напряженном подъеме жизни лишь радость и счастье». Тоску, присущую эросу, он связывал с отношением времени и вечности: «Время есть тоска, неутоленность, смертоносность». Бердяев также говорит о тоске пола, вовсе не считая ее только потребностью удовлетворения: «Пол есть тоска только потому, что на нем лежит печать падшести человека». Он не видит возможности удовлетворения тоски пола в реальном мире, поскольку «пол порождает иллюзии, которые превращают человека в средство нечеловеческого процесса». Вот как Бердяев описывает этот процесс: «Пол есть ущербность, расколотость человека. Но через жизнь пола никогда по-настоящему не достигается целостность человека. Пол требует выхода человека из самого себя, выхода к другому. Но человек вновь возвращается к себе и тоскует. Человеку присуща тоска по цельности. Но жизнь пола настолько искажена, что она увеличивает расколотость человека». По мнению Бердяева, к целостности ведет лишь подлинная любовь, в которой он видит одну из самых трагических проблем. Но об этом разговор впереди.

Тоска тесно связана с тем, что люди называют «жизнью», не отдавая себе отчета в значении этого слова. В жизни, в самой силе жизни есть безумная тоска, — утверждает философ. Теория для него ценнее жизни в общепринятом понимании. Он поясняет: «То, что называют „жизнью“, часто лишь обыденность, состоящая из забот. Теория же есть творческое познание, возвышающееся над обыденностью...

Я стал философом, пленился „теорией“, чтобы отрешиться от невыразимой тоски обыденной „жизни“. Философская мысль всегда освобождала меня от гнетущей тоски „жизни“, от ее уродства».

Мыслитель противопоставлял бытию творчество: «„Творчество“ не есть „жизнь“, творчество есть прорыв и взлет, оно возвышается над „жизнью“ и устремлено за границу, за пределы, к трансцендентному... Творчество вызывает образ иного, чем эта „жизнь“». Для Бердяева мир творчества гораздо интереснее, значительнее и глубже, чем действительная жизнь (это слово он сознательно берет в кавычки, как бы сомневаясь в том, что та действительность, которую так называют, на самом деле и является жизнью). Он снова говорит о том, что мир, раскрывающийся внутри него, является для него более прекрасным, чем «объективный» мир, в котором преобладает уродство.

Итак, что такое тоска, Бердяеву было доподлинно известно, а вот состояние скуки, охарактеризованное им как «притяжение нижней бездны пустоты», он испытывал достаточно редко. «Я почти никогда не скучал, мне всегда не хватало времени для дела моей жизни, для исполнения моего призвания... Но многое, слишком многое мне было скучно. Я испытывал скуку от мирочувствия и мирозерцания большей части людей, от политики, от идеологии и практики национальной и государственной. Обыденность, повторяемость, подражание, однообразие, скованность, конечность жизни вызывают чувство скуки, притяжение к пустоте». Даже страдание философ расценивает как «спасительное» по отношению к состоянию скуки, поскольку в страдании есть глубина. То же о тоске: «Предел inferнальной скуки, когда человек говорит себе, что ничего нет. Возникновение тоски есть уже спасение».

В отличие от многих Бердяев никогда не мог сказать о том, что влюблен в жизнь, он был влюблен в творчество, в творческий экстаз. «Интересен лишь человек, в котором

есть прорыв в бесконечность. Я всегда бежал от конечности жизни». По словам философа, он не обладал «искусством жить», поскольку для этого «нужно сосредоточиться на конечном, погрузиться в него, нужно любить жить во времени». По Бердяеву, «„жизнь“ есть как бы умирание бесконечного в конечном, вечного во временном». Он признает наличие в себе метафизически-анархического элемента и называет его «бунтом против власти конечного».

Спасением от обыденной жизни, способом ухода от нее для философа является искусство: «Именно приобщение к не похожему на эту жизнь и есть магия искусства». И снова Бердяев говорит о тоске, которая, как он считал, ослабляла его активность в жизни: «Я от многого уходил, в то время как многое нужно было преображать». Тоска не позволяла ему чувствовать себя счастливым: «Мне иногда казалось, что жизнь была бы хороша и радостна, если бы исчезла причина того, что меня сейчас мучит. Но когда эта причина исчезала, сейчас же являлась новая. Я ни от чего не чувствовал полного удовлетворения, в глубине считая его греховным».

* * *

Мы уже говорили о том, что современники называли Бердяева философом свободы, и приводили несколько его высказываний об отношении к свободе. Нам придется повториться, поскольку хочется поглубже рассмотреть эту тему. Итак, философ говорил, что свободу любил превыше всего: «Я изошел из свободы, она моя родительница. Свобода для меня первичнее бытия». Свообразие своей философии Бердяев видел именно в том, что положил в ее основу не бытие, а свободу. Он считал, что в такой радикальной форме этого не делал ни один философ. «В свободе сокрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце». Всю жизнь Бердяев проповедовал философию сво-

боды, стараясь совершенствовать и дополнять свои умозаключения. Его основное убеждение — «Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу». Философ признает, что «изначально любил свободу и мечтал о чуде свободы» еще с времен учебы в кадетском корпусе, поэтому собственно и не мог там оставаться. Он не выносил никакого подчинения, настолько сильной оказалась его внутренняя независимость. Всякий намек на зависимость от чего бы то ни было вызывал в нем бурный протест. «Я никогда не соглашался отказаться от свободы и даже урезать ее, ничего не соглашался купить ценой отказа от свободы». Бердяев говорит о том, что мог от многого отказаться в жизни, но не по велению чувства долга, а во имя свободы и, может быть, из-за жалости. Он никогда не желал ничем себя связывать, хотя понимал, что это, очевидно, снижает возможности реализации. Он всегда знал, что свобода порождает страдание, а отказ от нее страдание уменьшает. «Свобода не легка, как думают ее враги, клеветующие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя. И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя». Бердяев вовсе не воспринимает свободу как некую легкость, отсутствие боли: «Свобода с трудом доставалась и причиняла боль». И тем не менее он констатирует: «Все, что я утверждал, я утверждал после свободы и из свободы. Я не согласен принять никакой истины иначе, как от свободы и через свободу». Самым ценным в своей жизни философ считает борьбу за свободу, отмечая, однако, и отрицательные стороны этой борьбы, такие как «разрыв, отчужденность, неслиянность, даже вражда».

По Бердяеву, свобода аристократична, а не демократична; он убежден в том, что «огромная масса людей совсем не любит свободы и не ищет ее». Философ утверждает, что для него идея свободы первичнее идеи совершенства: по его мнению, «нельзя принять принудительного, насильственного совершенства». Бердяев видит смысл грехопадения в

испытании свободой, считает, что через это испытание должны пройти все люди. Признание авторитета для Бердяева было равносильно утрате свободы, потому он даже не предполагал существования какого бы то ни было авторитета в своей жизни. «Это, конечно, совсем не значит, что я не хотел учиться у других, у всех великих учителей мысли, и что не подвергался никаким влияниям, никому ни в чем не был обязан», — говорит Бердяев, но тут же сообщает, что любое влияние он допускал только на основе соблюдения принципов собственной свободы. Достоевского, Ибсена, Канта Бердяев называет среди философов и писателей, поддерживающих его свободолюбие и способствовавших его развитию.

Бердяев не признавал понятия «родовое», считая его противоположным свободе; для него существовало происхождение по духу, любая другая связь отвергалась: «Род всегда представлялся мне врагом и поработителем личности. Род есть порядок необходимости, а не свободы. Поэтому борьба за свободу есть борьба против власти родового над человеком».

Бердяев понимал всю сложность самой проблемы свободы, поскольку понятие это все трактуют по-разному, и пришел к следующему выводу: «Нельзя мыслить свободу статически, нужно мыслить динамически. Существует диалектика свободы, судьба свободы в мире». Более того, он понял, что свобода может переходить в свою противоположность.

Бердяев не рассматривает свободу с уголовно-процессуальной точки зрения, то есть как необходимую норму с последующими ответственностью и наказанием. Он не расценивает ее и как свободу выбора между добром и злом, поскольку для этого нужна норма для различия добра и зла. Философ приходит к такому заключению: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между

поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла». Бердяев считает, что само состояние выбора — еще не свобода, поскольку человек в этот момент может испытывать угнетенность и нерешительность. Свобода, по Бердяеву, наступает только тогда, когда выбор сделан, что дает право идти творческим путем.

Бердяев протестует против истины, которую противопоставляют свободе. Для него не существует навязанной истины, она может быть только духовным завоеванием: «Истина познается в свободе и через свободу. Навязанная мне истина, во имя которой требуют от меня отречения от свободы, совсем не есть истина, а есть чертов соблазн». Истина, по Бердяеву, должна освобождать, а значит, существуют две свободы: первая, через которую истина познается, вторая, которую истина приносит. Философ бунтует против всякой ортодоксии, будь то марксистская или православная, если она ограничивает или истребляет его свободу. Для него такая ортодоксия не имеет никакого отношения к истине. Он верит в существование одной истины — великой истины о свободе. Однако, размышляя о своей борьбе за свободу, он пишет: «...Эта борьба часто увеличивала мое одиночество и мой конфликт с окружающим миром. Пафос свободы сохнул во мне и внутренний конфликт, прежде всего свободы и жалости, который я считаю основным».

В чем же заключается суть этого конфликта? Собственно мы уже затрагивали этот вопрос в главе «Философия», но давайте вернемся к нему снова и поговорим немного подробнее. Итак, свобода, по Бердяеву, может быть безжалостной. Так у Достоевского Великий Инквизитор, возложив на людей бремя свободы, не жалеет их. «Свобода порождает страдание и трагизм жизни. Настоящая трагедия есть трагедия свободы, а не рока», — пишет Бердяев. Ему всегда были свойственны жалость, сострадательность: «Я с трудом выношу страдание людей и животных и совсем не выношу жестокости... Проблема Ивана Карамазова о сле-

зинке ребенка мне бесконечно близка». Более всего философа мучила проблема оправдания Бога перед непомерными страданиями мира. «Мне чужд лик Божества всемогущего, властного и карающего и близок лик Божества страдающего, любящего и распятого. Я могу принять Бога только через Сына. Нельзя принять Бога, если Бог сам не принимает на себя страданий мира и людей, если Он не есть Бог жертвенный».

Бердяеву было ненавистно всякое проявление жестокости. Он всем своим существом восставал против смертной казни, вплоть до того, что «склонен был делить людей на смертную казнь защищающих и смертную казнь отвергающих». К последним Бердяев относился враждебно и считал их своими врагами. Организованная месть государства была ему ненавистна. Более того, он не допускал никакого осуждения людей, особенно окончательного. Из Евангелия его душе были более созвучны слова: «Не судите, да не судимы будете», «Кто из вас безгрешен, тот пусть первый бросит в нее камень». Он не выносил окончания притч, где человека посылали в Геенну Огненную. «Я в сущности более чувствовал человеческое несчастье, чем человеческий грех. Мне противна религия, понимающая человеческую жизнь как судебный процесс», — пишет философ.

Бердяев как мог боролся со своей жалостливостью, боясь полностью раствориться в ней. В какой-то момент он даже увлекся идеями Ницше, исходя из желания победить в себе жалостливость. «Но моя слабость и мое несчастье были в том, что моя жалость была более пассивной, чем активной. Поэтому я исключительно страдал от жалости, пассивно страдал», — признается Бердяев. Он считает, что больше боролся с этим чувством, чем что-то делал для его реализации. Ему кажется, что деятельную жалость он переживал бы менее мучительно: «Врач, делающий операцию больному, менее страдает, чем тот, кто лишь исходит от жалости к больному, ни в чем ему не помогая».

Бердяев упрекает себя в том, что мало помогал людям и потому производил впечатление скорее равнодушного, нежели жалостливого человека. «У меня было мало деятельной любви. Я не чувствовал в себе активной доброты. Но пассивная доброта у меня была». Свои чувствительность и сухость Бердяев связывает с тем, что его мысль всегда преобладала над чувством: «Но самая моя мысль была эмоциональна и страстна. Жалостливость и заботливость соединились с эгоистическим самосохранением. Я часто прятался от жалости, избегал того, что могло вызвать острое сострадание». Бердяев презирает в себе это свойство, считая его противоречащим евангельским заветам. Жалость свою он расценивает не как добродетель, а как слабость.

Бердяев не причисляет себя к людям, излучающим доброту, но считает себя заботливым человеком. Он постоянно заботился о близких людях, преувеличивая грозящие им опасности: «Я бывал часто раздавлен заботой. Мне казалось, что от моей заботы зависит, погибнет ли человек или нет».

Острую жалость в нем вызывали несбыточность человеческих надежд и охлаждение чувств, расставания, воспоминания о прошлом, сознание собственной неправоты, причинение боли другим людям. Жгучую жалость он испытывал, глядя в глаза страдающих животных, где отражалась вся мировая скорбь.

Бердяев видел в своей природе пессимистический элемент и связывал с этим свое отношение к счастью. Он не только не верил в возможность счастья в этом мире, но думал, что не хочет и даже боится счастья. Именно поэтому он никогда не мог полностью отдаться счастливым минутам жизни, боялся их и старался избегать. «Как философу понятие счастья представлялось мне пустым и бессодержательным. Счастье не может быть объективировано, к нему неприменимы никакие измерения количества, и оно не может быть сравниваемо. Никто не знает, что делает другого человека счастливым или несчастным».

Бердяев вообще не верил в то, что человек должен стремиться к счастью. Он считал, что «утверждать нужно не право на счастье для каждого человека, а достоинство каждого человека, верховную ценность каждого человека, который не должен быть превращен в средство». В этом и есть суть его идеи персонализма.

Давайте еще раз уясним суть конфликта между жалостью и свободой. По Бердяеву, это — конфликт «между страданием и принятием страдания, которое вызывается борьбой за достоинство, за качества, за свободу человека, между нисхождением и восхождением... Жалость может привести к отказу от свободы. Свобода может привести к безжалостности». Бердяев видит два движения в человеческом пути — по линии восходящей и по линии нисходящей: «Человек восходит к Богу, приобретая на этом пути духовную силу, но, вспомнив об оставшихся внизу духовно слабых братьях своих, начинает путь нисхождения, чтобы помочь им, поделиться с ними духовными богатствами и ценностями, помочь их восхождению... Человек не может, не должен в своем восхождении улететь из мира, снять с себя ответственность за других. Каждый отвечает за всех. Возможно лишь общее спасение для вечной жизни. Свобода не должна стать снятием ответственности за ближних. Жалость, сострадание напоминают об этом свободе».

Бердяев говорит о том, что никогда не соглашался отказаться от свободы из жалости, но вместе с тем не выносил и жестокой свободы. Он убежден в том, что христианство было искажено в угоду человеческим инстинктам, как оправдание неисполнения заветов Христа: «Христианство всегда воспринималось мной прежде всего как милосердие, сострадание, прощение, человечность. Но из христианства умудрились сделать самые бесчеловечные выводы, поощряющие садистские инстинкты людей». По Бердяеву, христианство как раз и основано «на сочетании восходящего и нисходящего движения, на свободе и жалости, любви к цен-

ности и качеству и любви к ближнему, любви к божественной высоте и любви к страждущим внизу».

Соединимо ли христианство с бунтарством? Для Бердяева этот вопрос крайне важен, поскольку всю свою жизнь он был бунтарем, даже когда стремился к смирению: «Я был бунтарем не по направлению мысли того или иного периода моей жизни, а по натуре. Я в высшей степени склонен к восстанию. Несправедливость, насилие над достоинством и свободой человека вызывает во мне гневный протест».

Но вернемся к христианству. Могут ли в одном человеке ужиться бунтарь и христианин? Бердяев утверждает, что никогда не бунтовал против Бога, а лишь против «рабьего» учения о смирении, требующего покорности даже злу. «Быть христианином не значит быть послушным рабом. Я был бунтарем. Но бунтарство мое никогда не было одобрением террора... Мой бунт есть бунт духа и бунт личности, а не плоти и не коллектива. Дух есть свобода и свобода есть Дух».

Бунт для Бердяева являлся лишь частью его внутренней жизни, происходящей в ней духовной борьбой. Этот его бунт оборачивался прежде всего разрывом с окружающим миром и выражался в стремлении к тому, чтобы «оголенная правда была, наконец, обнаружена». С этим, по выражению Бердяева, был связан «пафос правдивости».

Бердяев не считал себя скептиком, поскольку скептицизм связан с сомнениями. Ему же были свойственны не сомнения, а духовные противоречия. «Я не сомневаюсь, я бунтую. Но и бунтуя, я всегда утверждаю», — говорит философ. Его мышление всегда было утвердительным, а не догматическим: «Я верил в Истину, которую искал, верил в Бога, которого искал. Но я был ищущим, был в движении,

достижения моих исканий определялись творческими подъемами».

«Вся моя жизнь прошла в борениях духа», — писал Бердяев. Однако он редко выражал эти борения в своих работах. Он проецировал их во вне, адресуя некому собирательному образу врага собственных мыслей. Что касается религиозных сомнений, то они, по словам Бердяева, у него были, но обычно принимали форму страстной моральной эмоции: «Я не столько сомневался, сколько негодовал. И если бы я отверг Бога, то, вероятно, отверг бы во имя Бога... Мое отношение к Богу экзистенциально драматическое, и в него входят борения. Мучительные религиозные сомнения я переживаю лишь в тот момент, когда допускаю истинность и верность застывшей традиционной догматической веры, вызывающей мой протест и даже негодование».

Бердяев и раньше утверждал, что никогда не искал внешних побед: теперь он повторял свою мысль, с тем чтобы сделать уточнение: «Я никогда не мог примириться с внутренним поражением, мой дух был направлен к внутренней победе».

По Бердяеву, из веры и убеждения создается целостный образ, формируется личность; сомнения же и скепсис этот образ разрушают: «Я всегда сопротивлялся распадению образа личности и образа мира. Человек живет и держится верой. Употребляю слово вера не в догматическом смысле. Скепсис есть ослабление человека и смерть».

Одну из глав книги «Самопознание» Бердяев посвящает размышлениям об эросе. Правда, он сразу же предупреждает читателей, что «страсти этические (страсти, а не нормы)» ему гораздо ближе страстей эротических: «И, может быть, наиболее соблазнен я свободой и красотой отречения. Но я принадлежу к той породе людей и, может быть, к тому поколению русских людей, которое видело в семье и деторождении быт, в любви же видело бытие».

Естественно, он не пишет об эротической стороне своей жизни, напротив, признается, что ему «противны всякие признания в этой области». Нет, он не говорит ни о своей интимной жизни, ни об интимной жизни близких ему людей. И тем не менее его размышления об эросе основаны на опыте, интуиции и наблюдении.

С точки зрения Бердяева, разные типы любви, например, любовь-жалость, любовь-эрос и любовь-влюбленность, имеют мало общего. Пол, по его мнению, не является одной из функций человеческого организма, а относится к целому. «И пол свидетельствует о падшести человека. В поле человек чувствует что-то стыдное и унижающее человеческое достоинство. Человек всегда тут что-то скрывает. Он никогда не скрывает любви-жалости, но склонен скрывать любовь сексуальную». Бердяева поражает это сокрытие пола в человеке, в самом сексуальном акте он видит нечто уродливое и унижающее. Он приводит слова Леонардо да Винчи о том, что половые органы так уродливы, что род человеческий прекратился бы, если бы люди не впадали в состояние одержимости.

Эпоху, допустившую разоблачение пола, Бердяев считает бесстыдной, но в то же время признает ее заслугу в обогащении знаний о человеке, который благодаря Фрейдю и психоанализу, а также произведениям художественной литературы, оказался «разложенным на части».

«Мне всегда думалось, что нужно делать различие между эросом и сексом, между любовью-эросом и физиологической жизнью пола. Эти сферы переплетающиеся, но они различны. Жизнь пола — безлика, родовая. В ней человек является игрой родовых стихий. В самом сексуальном акте нет ничего индивидуального, личного, он объединяет человека со всем животным миром. Сексуальное влечение само по себе не утверждает личности, а раздавливает ее. Пол безлик, не видит лица. В жизни пола есть безжалостность в отношении к человеку, есть согласие отказаться от чисто человеческого».

В любви Бердяев видел некую индивидуализацию полового влечения, ограничивающую власть пола: «Любовь — лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена, действительно, возможна». По мнению Бердяева, сильная любовь-влюбленность может даже не увеличить, а ослабить половое влечение, влюбленный находится в меньшей зависимости от половой потребности и может даже от нее отказаться.

Любовь Бердяев относит к единичному, а не к общему; что же касается эротической любви, то ее, по мнению философа, вне пола не существует, но она вносит иное начало и преодолевает пол. Именно любовь-эрос, с точки зрения Бердяева, является наиболее сложной и противоречивой, именно она в человеческой жизни становится причиной конфликтов и неисчислимых драм. Но здесь философ ощущает в себе противоречие: «Любовь-эрос меня притягивала, но еще более, еще сильнее отталкивала. Когда мне рассказывали о романах знакомых мне людей, я всегда защищал право их на любовь, никогда не осуждал их, но часто испытывал инстинктивное отталкивание и предпочитал ничего не знать об этом. Я всегда защищал свободу любви и защищал страстно, с негодованием против тех, которые отрицали эту свободу. Я ненавидел морализм и законничество в этой области, не выносил проповеди добродетелей. Но иногда мне казалось, что я любил не столько любовь, сколько свободу».

Для Бердяева любовь подобна редкому цветку. Его пленяют как жертва любовью ради свободы, так и свобода самой любви. Любовь, которой пожертвовали во имя свободы или жалости, приобретает для Бердяева особый, глубокий смысл. Люди же, находящиеся в безраздельной власти любви, ему неприятны, и многие проявления такой любви вызывают его возмущение.

Философ остро чувствует конфликт между любовью-эросом и любовью-жалостью, так же как и конфликт меж-

ду любовью и свободой: «Нельзя отказаться от любви, от права и свободы любви во имя долга, закона, во имя мнения общества и его норм, но можно отказаться во имя жалости и свободы».

Любовь, по мнению Бердяева, стала настолько искаженной и опошленной, что даже слова любви произносить невозможно, они кажутся устаревшими. Огромное количество браков он считает нелепостью только лишь потому, что в основе их лежит случайная встреча, а это значит, что при других обстоятельствах человек мог бы встретить кого-то другого, более «подходящего». Настоящая любовь, считает Бердяев, может возникнуть только в том случае, когда встреча не случайна, когда эта встреча суженого и суженой.

Бердяев не допускает никакого вмешательства общества в эротическую жизнь личности: «Социальные ограничения прав любви вызвали во мне бурный протест, и в разговорах на эту тему мне случалось приходиться в бешенство. Любовь есть интимно-личная сфера жизни, в которую общество не смеет вмешиваться». Впрочем, Бердяев вообще не любит «общества», восстает против него. Он считает, что любовь — дело только двоих, и всякий третий тут лишний. Если ему рассказывали о чьей-то «незаконной» любви, он считал, что его это не касается, так же как и того, кто о ней говорил. «Любовь всегда нелегальна. Легальная любовь есть любовь умершая. Легальность существует лишь для обыденности, любовь же выходит из обыденности. Когда любовь погружается в обыденность, то она охлаждается и постепенно угасает. Эрос есть сфера беззаконная», — пишет Бердяев.

По мнению Бердяева, мир вообще не должен знать о любви двоих; в институте брака он видит «бесстыдство обнаружения» для общества того, что должно быть скрыто от посторонних взоров. Он признается, что всегда испытывал некую неловкость, глядя на мужа и жену, как будто подсмотрел что-то интимное. «Социализация пола и любви есть

один из самых отталкивающих процессов человеческой истории, он калечит человеческую жизнь и причиняет неисчислимые страдания. Семья есть необходимый социальный институт и подчинена тем же законам, что и государство, хозяйство и прочее», — считает Бердяев. По его мнению, семья, связанная хозяйственным строем, имеет мало отношения к любви. Он видит элементы рабства, присущие любому семейному укладу, расценивает семью как иерархическое учреждение, основанное на господстве и подчинении. Социализация любви, по Бердяеву, означает ее подавление; он не видит в браке никакого таинства. «Но подлинным таинством должно было бы быть признано таинство подлинной любви. Это таинство не поддается никакому социальному выражению, никакой рационализации».

Общество, утверждает Бердяев, низвергает любовь, то есть враждебно настроено по отношению к любящим в высшем смысле этого слова. Вот почему мировая литература защищает права и достоинство любви, причем любви именно свободной, не социализированной. Бердяев сообщает, что, несмотря на свою большую любовь к Л. Толстому, он враждебно относится к идее, заложенной в основе его романа «Анна Каренина». Философ не считает преступной любовь Анны и Вронского; преступными, по его мнению, являются брачные отношения Анны и Каренина. Постановка вопроса о разводе, принятая в обществе, кажется Бердяеву поверхностной: «Настоящий вопрос не в праве на развод, который, конечно, должен быть признан, а в обязанности развода при прекращении любви. Продолжение брака, когда любви нет, безнравственно, только любовь все оправдывает, любовь-эрос и любовь-жалость».

Стоит ли сохранять брак ради детей? Бердяев считает этот вопрос очень важным; он склоняется к мысли, что отсутствие любви между родителями плохо сказывается на детях. Философ понимает, что такая точка зрения может быть признана асоциальной и опасной, но это его несколько

ко не смущает, даже радуется: «Если социализация хозяйства желательна и справедлива, то социализация самого человека, которая происходила во всю историю, есть источник рабства и духовно реакционна».

Несмотря на то, что Бердяев считает роман «Что делать?» художественно бездарным произведением, основанным, по его словам, на жалкой и беспомощной философии, в социальном и этическом плане он полностью соглашается с автором: «Чернышевский свято прав и человечен в своей проповеди свободы человеческих чувств и в своей борьбе против власти ревности в человеческих отношениях». Ревность, по мнению Бердяева, есть тирания человека человеком. Особенно отвратительной он считает женскую ревность, превращающую женщину в фурию. Женская и мужская любовь, считает Бердяев, вообще несоизмерима по требованиям и ожиданиям: «Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина легко делается одержима. В этом смертельная опасность женской любви. И всегда есть несоответствие с идеальным женским образом. В женской любви есть магия, но она деспотична. Образ женской красоты часто бывает обманчивым. Женщины лживее мужчин, ложь есть самозащита, выработанная историческим бесправием женщины со времен победы патриархата над матриархатом. Но женская любовь может подниматься до необычайной высоты».

Уже говорилось о том, что Бердяев воспринимает любовь, как выход из обыденности, для многих людей, может быть, единственный. Причем таким «прорывом в бесконечность» он считает начало любви, поскольку в своем развитии она легко переходит во власть обыденного. «В любви есть бесконечность, но есть и конечность, ограничивающая эту бесконечность... В ней есть проникновение в красоту лица другого, видение лица в Боге, победа над уродством, торжествующим в падшем мире. Но любовь не обладает

способностью к развитию в этом мире». По Бердяеву, если нет соединения любви-эроса и любви-жалости, результаты могут быть мучительными. Эрос сам по себе жесток, он должен смягчаться жалостью. Безжалостная любовь, считает философ, отвратительна, а жизнь эротическая, за вычетом отдельных мгновений, — самая печальная сторона жизни. «Любови присущ глубокий внутренний трагизм, и не случайно любовь связана со смертью», Любовь, с точки зрения Бердяева, не знает исполнившихся надежд. Он признает, что можно иногда встретить сравнительно счастливую семейную жизнь, но так или иначе это — счастливая обыденность.

Еще одной гранью трагизма любви Бердяев считает конфликт между любовью и творчеством.

Главу из книги «Самопознание», посвященную своим религиозным воззрениям, Бердяев считает наиболее ответственной, поскольку для ее написания требуется особая откровенность. И дело тут не в том, что он боится или не хочет быть правдивым, просто осознает, что правдивость в этой сфере трудна по существу.

Бердяев пишет эту главу в страшные и трагические дни европейской истории — в июне 1940 года. Снова он ставит перед собой вопрос, который приобретает теперь еще большую остроту: «...Подлинно ли реален, первичен ли этот падший мир, в котором вечно торжествует зло и посылаются людям непомерные страдания?» Именно этот вопрос заставляет философа обратиться к религиозной теме. Бердяева всегда преследовало ощущение некоей тайны, ощущение того, что этот мир не исчерпывает всей реальности, что существуют иной мир, иная реальность: «Наш мир, которым для слишком многих исчерпывается реальность, мне представляется производным. Он далек от Бога. Бог в центре. Все далекое от Бога провинциально. Жизнь делается плоской, маленькой, если нет Бога и высшего мира». В таком

мире, лишенном измерения глубины, считает Бердяев, нет и трагедии, что, вероятно, многих и подкупает. Для того чтобы возникало ощущение трагедии, люди должны быть поставлены перед роком, тайной. Именно так происходило в греческих трагедиях, величавых и торжественных. Отношения между реальным миром и трансцендентным весьма относительны, поскольку религиозная жизнь — дело сугубо личное. Бердяев считал религию своим духовным путем, воспринимая все внешнее, например религиозную историю и традиции, только как символизацию собственного духа и духовной борьбы. Забегая вперед, можно сказать, что он так же воспринимает и творчество. Само творчество философ определяет как прорыв в бесконечность, а продукты творчества — как некие символы, свойственные только реальной действительности. Но об этом речь пойдет далее. Да, для Бердяева все находящееся во времени и пространстве служило лишь символом, знаком существования иной жизни. Однако при этом он не переставал сознать и так называемые «реальности», рассуждал о них так, будто признавал их первичность: «Я делал вид, что нахожусь в этих реальностях внешнего мира, истории, общества, хотя сам был в другом месте, в другом времени, в другом плане... Я говорил о войне, о политике, об обыденной жизни так, как будто бы я верил подобно многим людям в первичную, подлинную реальность всего этого. Но в действительности я отсутствовал из всего того, о чем рассудительно говорил».

У Бердяева не было традиционного в России детства (то есть воспитания в духе православия), а потому ему не свойственна «наивная», по его словам, ортодоксия. В нем также слабо выражалась та основа, которую философ называл натуральным язычеством: «Слишком сильно у меня было чувство зла и падшести мира, слишком остро было чувство конфликта личности и мира, космического целого. Нет для меня ничего более чуждого, чем идея космической гармонии». Бердяев задумывается над тем, насколько силь-

но развито в нем чувство греха, как личного, так и общечеловеческого. Для него этот вопрос представляется сложным и неоднозначным: он скорее склонен чувствовать зло, чем грех, и уж совсем не воспринимает понятия греха как преступления, вызывающего кару Божью. Значение «падшести» мира для него гораздо шире, нежели значение греховности. Бердяев был склонен чувствовать собственные несовершенство и греховность, но с еще большей силой — страдание и несчастье. В учении о греховности, которое философ считает чересчур ортодоксальным, с трудом признается тот факт, что в мировой жизни есть безвинное страдание. Бердяев уверен, что это учение в конечном счете ведет к атеизму. Он считает, что вера спасла его от атеизма, и вот в чем она выражается: «Бог открывает Себя миру, Он открывает Себя в пророках, в Сыне и Духе, в духовной высоте человека, но Бог *не* управляет этим миром, который есть отпадение во внешнюю тьму. Откровение Бога миру и человеку есть откровение эсхатологическое, откровение Царства Божьего, а не царства мира. Бог есть правда, мир же есть неправда. Но неправда, несправедливость мира не есть отрицание Бога, ибо к Богу не применимы наши категории силы, власти и даже справедливости».

По своему ощущению жизни Бердяев был спиритуалистом, но эта направленность соединялась в нем с антропоцентрической, то есть центральной фигурой он признавал человека. При этом философ спорит с теми, кто упрекает его в нелюбви к материи. Он не ставит знака равенства между телом и материей. Тело, по его мнению, вовсе не является материей, это прежде всего форма, которая относится к личности и наследует вечность. Материей являются только «плоть и кровь», которые вечности не наследуют. Философ не принимает в христианстве религиозный материализм, так же, впрочем, как и суеверный, магический элемент, связанный с необходимостью. Он признает лишь моральный элемент, связанный со свободой.

Вот как Бердяев расценивает христианство в истории: «В известном смысле можно сказать, что историческое христианство создано церковью, религиозным коллективом как социологическим феноменом. Новое состояние религиозного коллектива (соборности) может многое изменить. Структура сознания тут играет огромную роль. Наиболее вечной, наиболее возвышающейся над социологической символиккой мне представлялась эсхатологическая сторона христианства».

Бердяев не пытается определить момент своего обращения в христианство и не определяет его как резкий переход от совершенной тьмы к совершенному свету. Блеснувший однажды в душе свет он не считает божественным явлением, поскольку это не избавило его от внутренних противоречий, не принесло внутреннего покоя и не сняло сложных религиозных вопросов. «Для описания своего духовного пути я должен все время настаивать на том, что я изошел в своей религиозной жизни из свободы и пришел к свободе. Но свободу эту я переживал не как легкость, а как трудность». В этом понимании свободы как долга, как источника трагизма жизни философу был особенно близок Достоевский. «Именно отречение от свободы создает легкость и может дать счастье послушных младенцев. Даже грех я ощущаю не как непослушание, а как утерю свободы. Свободу же ощущаю, как божественную. Бог есть свобода и дает свободу. Он не Господин, а Освободитель. Освободитель от рабства мира. Бог действует через свободу и на свободу. Он не действует через необходимость и на необходимость. Он не принуждает Себя признать. В этом сокрыта тайна мировой жизни».

Единственным серьезным аргументом в пользу атеизма Бердяев считает трудность примирения Всемогущего и Всеблагого Бога со злом и страданиями в мире. Богословские же учения представлялись философу недопустимой рационализацией тайны. Бердяев не считал себя богословом, но

в центре его религиозного интереса всегда находилась проблема оправдания Бога, которая была для него прежде всего проблемой свободы.

В этом вопросе Бердяева считали последователем Беме, которого философ действительно любил и почитал, но в данном случае он подчеркивает разницу в своих воззрениях и учении Беме. Бердяев поясняет, что у Беме первичная свобода находится в Боге, а у него — вне Бога, она «вкоренена» в Ничто. По Бердяеву, Бог действует духовно, а не магически, а потому его нельзя винить за то, что он присутствует во всяком зле и в страданиях. «Бог есть Дух. Промысел Божий можно понимать лишь духовно, а не натуралистически. Бог присутствует не в имени Божьем, не в магическом действии, не в силе этого мира, а во всяческой правде, в истине, красоте, любви, свободе, героическом акте». Чувство Бога как силы для Бердяева неприемлемо, никакой властью и всемогуществом Бог не наделен. Власть — слишком низменное понятие, чтобы его можно было перенести на Бога. К Богу, считает Бердяев, вообще неприменимо ни одно понятие, имеющее социальное происхождение: «В подлинном духовном опыте нет отношений между господином и рабом». В связи с этим важной задачей христианской философии, по мнению Бердяева, является очищение и освобождение христианского сознания от социоморфизма. Теологи же как раз мыслят Бога в категориях социальных, особенно Бога-Отца, Бога как Творца мира.

«Я всегда сильнее чувствовал Бога-Сына, Христа-Богочеловека, Бога человеческого, чем Бога-силу, Бога-Творца... В Бога можно верить лишь в том случае, если есть Бог-Сын, Искупитель и Освободитель, Бог жертвы и любви. Искупительные страдания Сына Божьего есть не примирение Бога с человеком, а примирение человека с Богом. Только страдающий Бог примиряет со страданиями творения. Человек есть существо, целиком зависящее от природы и общества,

от мира и государства, если нет Бога. Если есть Бог, то человек есть существо духовно независимое. И отношение к Богу определяется не как зависимость человека, а как его свобода. Бог есть моя свобода, мое достоинство духовного существа», — вот, пожалуй, основная суть религиозной мысли Бердяева.

В отличие от большинства людей, обратившихся в христианство, Бердяев стал христианином не потому, что перестал верить в человека, в его высшее назначение и творческую свободу, а потому, что искал более прочного и глубокого обоснования своей веры: «Мою веру не может пошатнуть необыкновенно низкое состояние человека, потому что она не основана на том, что думает сам человек о человеке, а на том, что думает о человеке Бог».

Бердяев усматривает в христианстве двойственность по отношению к человеку. С одной стороны, человек — существо греховное, с другой — созданное по образу и подобию Божьему. В первом случае его свобода ущемлена, во втором — он есть вершина творения и призван к царствованию. Согласно Бердяеву, «существует соизмеримость между человеком и Богом в вечной человечности Бога». Без этой соизмеримости Бердяев не мыслит самой возможности откровения: «Откровение предполагает активность не только открывающегося, но и воспринимающего откровение». Философ верит в человечность Бога: «Это человек бесчеловечен, Бог же человечен. Человечность есть основной атрибут Бога. Человек вкоренен в Бога, как Бог вкоренен в человека».

Историческое откровение Бердяев считал вторичным по сравнению с откровением духовным. Он чувствовал, что существование христианства в своей исторической, то есть отнесенной, форме подходит к концу. Вопросы об отношении христианства к творчеству, культуре, общественной жизни требовали новых постановок и новых решений. Однако новая эпоха в христианстве выразилась главным об-

разом в критике и предчувствиях. Со многими представителями русской религиозной мысли начала XX века Бердяева связывала надежда на то, что возможны продолжение откровения в христианстве, новое излияние Святого Духа. Философа обвиняли в ереси, но он не был с этим согласен, поскольку считал, что еретик — человек по-своему церковный, утверждающий свою мысль как ортодоксальную. Бердяев же никогда не претендовал на то, чтобы его религиозная мысль носила церковный характер: «Я просто искал истину и переживал как истину то, что мне открывалось».

Основной темой философа являлась тема творчества. Он отмечал, что постановка этой темы не была для него результатом философской мысли: «Это был пережитый внутренний опыт, внутреннее озарение». Бердяев говорит о том, что его тема творчества гораздо более глубокая, чем ее принято понимать. Ее рассматривают как культурное творчество (науку, литературу и искусство), а потому она «превращается в довольно банальный вопрос о том, оправдывает ли христианство творчество культуры».

Тема Бердяева совершенно иная: «Я совсем не ставил вопроса об оправдании творчества, я ставил вопрос об оправдании творчеством. Творчество не нуждается в оправдании, оно оправдывает человека, оно есть антроподицея. Это есть тема об отношении человека к Богу, об ответе человека Богу». Тему об отношении к человеческой культуре, к культурным ценностям и продуктам Бердяев считает вторичной. Его беспокоил вопрос об отношении творчества и греха, творчества и человека: «Я пережил период обостренного сознания греховности человека. И вошел в глубь этого сознания. То, вероятно, были моменты, наиболее близкие к православию». Каждый переживает тему греховности по-своему: для одних это — неизбежный момент духовного пути, для других — полная отдача себя этому со-

знанию и бесконечное, изматывающее углубление в него. В первом случае переживание греховности может предшествовать просветлению и возрождению, во втором — к ослаблению жизненной силы, к бесконечному сгущению тьмы. По Бердяеву, «переживание греховности, понятое как единственное и всеобъемлющее начало духовной жизни, не может привести к творческому подъему и озарению, оно должно перейти в другое переживание, чтобы произошло возрождение жизни». Как преодолеть подавленность и перейти к подъему? Этот вопрос всегда беспокоил философа. В традиционных книгах о духовной жизни обычно говорится о том, что просветление благодатью наступает после переживания человеком своей греховности и ничтожества и благодать эта исходит от Бога. Бердяев же задавался вопросом, может ли исходить благодатная сила от самого человека и может ли человек оправдать себя не только покорностью высшей силе, но и своим творческим подъемом. Философу было очень важно понять, что «творчество человека не есть требование человека и право его, а есть требование Бога от человека и обязанность человека». Иными словами, «Бог ждет от человека творческого акта как ответа человека на творческий акт Бога». Точно так же Бердяев думает и о свободе: «Свобода человека есть требование Бога от человека, обязанность человека по отношению к Богу».

У Бердяева тема творчества входила в основную христианскую тему о богочеловечестве и оправдывалась богочеловеческим характером христианства: «Идея Бога есть величайшая человеческая идея. Идея человека есть величайшая Божья идея. Человек ждет рождения в нем Бога. Бог ждет рождения в нем человека». Именно на этом уровне, по мнению Бердяева, должен быть поставлен вопрос о творчестве. Мысль о том, что Бог нуждается в ответе человека посредством творчества, кажется философу необычайно дерзновенной, но без этого откровение богочеловечества кажется ему лишенным смысла: «...Божественная драма

опрокинута в человеческую драму, то, что вверху, опрокинуто в то, что внизу».

«Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность, не объективация, а трансцендирование... Творческий экстаз (творческий акт есть всегда экстаз) есть прорыв в бесконечность», — пишет Бердяев. Проблему нового религиозного сознания в христианстве философ видит именно в творчестве, для него это — проблема новой религиозной антропологии.

Бердяев снова задается вопросом, как от подавленности, вызванной переживанием греховности, перейти к состоянию подъема, и неожиданно для себя находит ответ: «...Сознание греховности должно переходить в сознание творческого подъема, иначе человек опускается вниз». По Бердяеву, тайна христианства не может исчерпываться тайной искупления: подавленность, раздвоенность и порабощенность преодолеваются в опыте творчества, в котором «раскрывается, что „я“, „субъект“, первичнее и выше, чем „не-я“, „объект“». И все-таки философ считает творчество лишенным всякого эгоцентризма, поскольку в нем есть устремленность к тому, что выше человека: «Творческий опыт не есть рефлексия над собственным несовершенством, это обращенность к преображению мира, к новому небу, к новой земле, которые должен уготовлять человек. Творец одинок, и творчество носит не коллективно-общий, а индивидуально-личный характер. Но творческий акт направлен к тому, что имеет мировой, общечеловеческий, космический и социальный характер. Творчество менее всего есть поглощенность собой, оно всегда есть выход из себя. Поглощенность собой подавляет, выход из себя освобождает».

Озарение, связанное с темой творчества, Бердяев выразил в своей книге «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». По его признанию, эта книга «написана единым, целостным порывом, почти в состоянии экстаза». Однако

философ считает ее не самым совершенным, хотя и самым вдохновенным, произведением, но именно в ней впервые выражена его оригинальная философская мысль. В «Самопознании» же он сокрушается по поводу того, что не посвятил себя исключительно этой теме, отвлекаясь на другие, менее для него характерные. Бердяев связывает это со своей слабостью и неспособностью к систематическому развитию мысли. Наиболее совершенной он считает свою книгу «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики», в которой сделана попытка создания цельной этики.

Проблему творчества Бердяев связывал с проблемой свободы. В «Самопознании» он говорит о своей книге «Философия свободы», которой он остался не слишком доволен, но в которой уже утверждался примат свободы над бытием. Суть этой идеи заключается в следующем: «Творческий акт человека и возникновение новизны в мире не могут быть поняты из замкнутой системы бытия. Творчество возможно лишь при допущении свободы, не детерминированной бытием, не выводимой из бытия. Свобода вкоренена не в бытии, а в ничто, свобода безосновна, ничем не определяема, находится вне казуальных отношений, которым подчинено бытие и без которых нельзя мыслить бытия». Бердяев считает, что в книге «Смысл творчества», так же как и в труде «Философия свободы», он еще не до конца освободился от онтологической философии, однако в первой смог выразить свою основную мысль — «творчество есть творчество из ничего, то есть из свободы».

Бердяев спорит с критиками, приписавшими ему нелепую, с его точки зрения, мысль о том, что творчество человека не нуждается в материи. Ничего подобного философ не утверждал, напротив, он считал, что «творческий акт человека нуждается в материи, он не может обойтись без мировой реальности, он совершается не в пустоте, не в безвоздушном пространстве». Критики исказили его мысль о том, что «творческий акт не может целиком определяться

материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром». В этом Бердяев и видит тот элемент свободы, который привносится в каждый подлинный творческий процесс. В этом и заключается, по его мнению, тайна творчества. Именно в этом смысле творчество появляется из ничего, то есть не целиком из мира, есть что-то еще, неопределяемое ничем извне. Эта мысль и беспокоила философа более всего: «Как из небытия возникает бытие, как не существовавшее становится существующим». Вот это и есть, по мнению Бердяева, тема свободы. Поскольку о «добытийственной» природе свободы, то есть свободы, вкорененной в небытие, составить понятие невозможно, он останавливается на другой мысли — мысли о том, что «творческие дары даны человеку Богом, но в творческие акты человека приходит элемент свободы, не детерминированный ни миром, ни Богом».

Бердяев не желает ставить вопрос о том, может ли быть оправдано творчество с точки зрения религии искупления. Нет, считает он, для дела искупления и спасения можно обойтись и без творчества, а вот для Царства Божьего творчество человека необходимо: «Новое, завершающее откровение будет откровением творчества человека. Это и будет чаемая эпоха Духа. И в ней, наконец, реализуется христианство как религия Богочеловечества». Таким образом, Бердяев открыл не только культурный, но еще и религиозный смысл творчества — не оправдываемого, а оправдывающего. Вот что он пишет: «В глубине это есть дерзновенное сознание о нужде Бога в творческом акте человека, о Божьей тоске по творящему человеку. Творчество есть продолжение миротворения. Продолжение и завершение миротворения есть богочеловеческое, Божье творчество с человеком, человеческое творчество с Богом».

Однако взору философа открываются и глубокая трагедия человеческого творчества, его роковая неудача в условиях реального мира: «Творческий акт в своей первона-

чальной чистоте направлен на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую землю, на преображение мира. Но в условиях падшего мира он отяжелевает, притягивается вниз, подчиняется необходимому заказу, он создает не новую жизнь, а культурные продукты большего или меньшего совершенства». Бердяев видит несоответствие между творческим взлетом и творческим продуктом. Он вовсе не отрицает необходимости и смысла продуктов творчества, но считает их символическими, будь то книга, симфония или картина. По Бердяеву, символическое творчество дает лишь знаки реального преображения. В чем же, по его мнению, заключается реалистическое творчество? Оно было бы «преображением мира, концом этого мира, возникновением нового неба и новой земли».

Бердяев питал симпатии к романтизму и не любил классицизм, хотя и признавал эти понятия условными. Классицизм ему казался лживым, так как в нем допускалась возможность совершенства в условиях данного мира. Бердяеву претит то создание, которое принимает символы за реальность, он считает его ложным, ограниченным и наивным. Романтизм же импонировал, так как устремлялся в бесконечность. Однако и в романтизме философ видел много лживого: «Правда романтиков в недовольстве конечностью и закованностью этого мира, в устремленности к тому, что лежит за пределами рационального порядка. Но истинный путь лежит от наивного реализма, иногда принимающего форму классицизма, через символизм к подлинному реализму». Бердяев не переставал мучить вопрос, «возможен ли и как возможен переход от символического творчества продуктов культуры к реалистическому творчеству преображенной жизни, нового неба и новой земли».

Эту тему Бердяев находит в произведениях русских писателей, переходивших, с его точки зрения, за границы искусства, — Толстого, Достоевского и многих других. Он видел ее отражение в трудах Ницше, Ибсена и символистов.

«Можно ли перейти от творчества совершенных произведений к совершенной жизни?» Философ понимает, что сама постановка такого вопроса может выглядеть как требование чуда. Он не имеет в виду моральное усовершенствование, речь идет о другом — о реальном изменении этого мира.

Бердяев ожидает наступления новой творческой эпохи. Однако его надежда ослабевает из-за катастрофических событий — двух мировых войн, двух русских революций, переворота в Германии, угрозы нового мирового рабства. Философ предвидел и предчувствовал наступление катастроф, не верил в твердость и устойчивость мирового и социального порядка. «То, что казалось устойчивым и прочным, опрокидывается с большой легкостью вулканическими силами, которые всегда скрыты за кажущейся гармонией. Исторические катастрофы обнаруживают большой динамизм и дают впечатление создания совершенно новых миров, но совсем не благоприятны для творчества, как я его понимал и как его предвидел в наступлении новой творческой религиозной эпохи», — пишет Бердяев. Он понимает, что динамизм исторических катастроф предваряет реакционную эпоху, противоположанную подлинному творчеству человека. Он характеризует эту эпоху как враждебную человеку и истребительную для свободы духа. Однако философ убежден в том, что все происходящее на поверхности истории «не может пошатнуть веры в творческое призвание человека, связанное с метафизическими глубинами». Бердяев подчеркивает, что ему чужда идея прямого, непрерывного развития, как и само выражение «творческая эволюция». По его мнению, творчество и эволюция есть две противоположные вещи, а потому творчество не нуждается в закономерности развития мирового и исторического процесса: «Возможны периоды реакции и тьмы, как возможны и творческие проорывы, повороты, раскрытие новых аспектов мира, новых миров». Бердяев не придает особого значения событиям, происходящим, по его выражению, «на поверхности исто-

рии», ему кажется, что настоящая жизнь находится за их пределами: «Ценными и подлинными, первородными мне представлялись лишь творческие подъемы и прорывы, лишь мой внутренний мир. В творческом подъеме преодолевалась подавленность, а это самое главное».

Бердяеву было горько осознавать, что основная его идея остается непонятой современниками; ее даже воспринимали как измену его предыдущим философским воззрениям. Он понимал, что все его размышления находятся в глубоком конфликте со временем и обращены к далекому будущему. «Я никогда не был ни политическим деятелем, ни политическим публицистом, я был моралистом, защищавшим свою идею человека в эпоху, враждебную человеку. Я пытался проповедовать человечность в самую бесчеловечную эпоху».

Свое творчество Бердяев связывал с пессимистическим отношением к реальной действительности. Единственная для него возможность не быть приниженным и раздавленным мировой необходимостью — творческий подъем и прорыв за пределы этой действительности. Творчество связано с воображением: необходимо вообразить иной мир, отличающийся от реального. «Творческий акт есть наступление конца этого мира, начало иного мира», — пишет философ.

Бердяев приходит к выводу, что творчество не всегда бывает истинным и подлинным, оно может быть ложным и иллюзорным: «Человеку свойственно и лжетворчество. Человек может давать ответ и на призыв Бога, и на призыв сатаны». Однако философ отвергает всякое морализирование творчества, считая это недопустимым. Конечно, в творениях Леонардо да Винчи присутствует демонический элемент, но, по утверждению Бердяева, «в подлинном творческом художественном акте Леонардо сгорает всякий демонизм и исчезает всякое зло».

Сложную проблему Бердяев видит в соотношении творчества и созерцания. Верно ли их противопоставление? Фи-

лософ считает, что нет: «Созерцание не есть совершенная пассивность духа, как часто думают. В созерцании есть также момент духовной активности и творчества. Эстетическое созерцание красоты природы предполагает активный прорыв к иному миру. Красота есть уже иной мир за этим миром. Созерцание иного и духовного, умного мира предполагает преодоление этого мира, отделяющего нас от Бога и духовного мира». По Бердяеву, при созерцании прекрасного тоже можно прийти в творческий экстаз. Созерцающий не испытывает, подобно творцу, моментов борьбы, конфликта... и все-таки философ уверен в том, что «человек должен периодически приходить к моментам созерцания, испытывать благодатный отдых созерцания». Ужас эпохи представляется ему именно в том динамизме, который мешает созерцанию, буквально терзает человека, превращая его в бездуховный механизм.

Размышления о России

Н. А. Бердяев принадлежал к тому поколению, на жизни и деятельности которого в полной мере отразились все катастрофы русской истории: две революции, гражданская и две мировые войны, горький опыт многолетней эмиграции. Исторические катаклизмы XX века, в которые Россия оказалась втянутой глубже, чем многие страны Западной Европы, заставили русских мыслителей острее переживать чувство трагизма, пробудили в них страстное желание отыскать смысл в кажущейся бессмыслице исторических событий.

«Очень важно отметить, — пишет Бердяев, — что русское мышление имеет склонность к тоталитарным учениям и тоталитарным мирозозерцаниям. Только такого рода учения имели у нас успех. В этом сказывается религиозный склад русского народа. Русская интеллигенция всегда стре-

милась выработать в себе тоталитарное целостное мирозерцание, в котором правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью. Через тоталитарное мышление оно искало совершенной жизни, а не только совершенных произведений философии, науки, искусства» (Н. А. Бердяев. «Русская идея»).

Русская интеллигенция всегда была занята решением вопросов о добре и зле, о свободе воли, о существовании Бога или уж (на тот случай, если его все-таки нет) об установлении Царства Божьего на земле. И это в отличие от Запада, веками тщательно разрабатывающего правовую основу, регулирующую отношения между государством и обществом.

В конце 70-х годов XIX века русскую интеллигенцию обвиняли в том, что она создала новый фанатизм, так и не преодолев разрыва между книгами и реальной жизнью. Утопизм, нереалистичность, книжность и максимализм — вот признаки незрелости русского интеллигентского сознания. «Новому фанатизму» противопоставляли прагматизм и эмпиризм позитивистов, забывая, однако, о том, что на русской почве они точно так же приобретают черты идеологической нетерпимости. (Ярким примером этого служит образ Базарова в романе Тургенева «Отцы и дети».) Вот как это явление описал Бердяев: «У нас столетиями накоплялось отрицательное сознание, укреплялись идеи атеистические и нигилистические. Последние — результат европейского развития — отражались в России в самой крайней, предельной форме. Уж если русский — социалист, то он не такой социалист, как на Западе, он социалист самый крайний, фанатичный, социализм его вне времени и пространства, социализм есть его религия. Уж если русский — анархист, то самый предельный, бунтующий против первооснов бытия. Уж если русский — материалист, то материализм для него — богословие, если он атеист, то атеизм его религиозен» (Н. А. Бердяев. «Духовный кризис интеллигенции»).

Вернемся, однако, к утопическим идеям, распространившимся в русском обществе во второй половине XIX века. На фоне благородного воодушевления, охватившего широкие слои интеллигенции, предостерегающие голоса воспринимаются, как реакционные попытки опорочить идею. Вот как Бердяев описал природу гипнотической привлекательности утопии: «...Все большие революции доказывают, что именно радикальные утопии реализуются, более же умеренные идеологии, которые казались более реалистическими и практическими, низвергаются и не играют никакой роли... в утопии есть динамическая сила, она концентрирует и направляет энергию борьбы, и в разгар борьбы идеологии неутопические оказываются слабее. Утопия всегда заключает в себе замысел целостного, тоталитарного устройства жизни. По сравнению с утопией другие теории и направления оканчиваются частичными и потому менее вдохновляющими. В этом притягательность утопии и в этом опасность рабства, которое она с собой несет» (Н. А. Бердяев. «О свободе и рабстве человека». Париж, 1939).

В книге «Русская идея» Бердяев с горечью констатирует: «Русские — максималисты, и именно то, что представляется утопией, в России наиболее реалистично». О русском коммунизме он высказывается следующим образом: «Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа... Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен». (Н. А. Бердяев. «Русская идея»). Последние слова этой цитаты стали пророческим предостережением выдающегося мыслителя, направленным его соплеменникам: как показала история, коммунизм и не может быть уничтожен, пока не преодолен. И речь сейчас идет не о самой коммунистической утопии, а об историческом опыте жизни в тоталитарном обществе; каждый, живший в этом режиме, продолжает нести все его тяготы в собственной душе.

Здесь мы снова вернемся к теме, столь остро поставленной Бердяевым, — к теме рабства и свободы человека. «Всякая сгруппировавшаяся масса враждебна свободе. Скажу более радикально: всякое до сих пор бывшее организованное и организующее общество враждебно свободе и склонно отрицать человеческую личность. И это порождено ложной структурой сознания, ложным направлением сознания, ложной иерархией ценностей... Личность, осознавшая свою ценность и свою первородную свободу, остается одинокой перед обществом, перед массовыми процессами истории. Демократический век — век мещанства, и он неблагоприятен появлению сильных личностей» (Н. А. Бердяев. «Самопознание»). Из этого текста можно заключить, что Бердяев не испытывал никаких иллюзий и по отношению к современному западному обществу, отчетливо представляя себе картину духовного кризиса европейской цивилизации.

Бердяев, как и все русские мыслители, ощущал «потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире». Он чувствовал, что Россия стоит перед великими мировыми задачами, и осознавал неопределенность, а, может быть, даже непреодолимость этих задач. В своем этюде «Душа России» (1915) он писал: «С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия — особенная страна, не похожая ни на какую страну мира». Бердяев считал, что осуществление мировых задач Россией не может быть отдано на произвол стихийных сил истории. «Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли. И если народы Запада принуждены будут, наконец, увидеть единственный лик России и признать ее призвание, то остается все же неясным, сознаем ли мы сами, что есть Россия и к чему она призвана? Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия — противоречива, антиномична: душа России не покрывается никакими доктринами. Тютчев сказал про свою Россию:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от отталкивающего бахвальства, равно как и от характерного космополитического отрицания и иноземного рабства» (Н. А. Бердяев. «Душа России»).

Какой же видит Россию Бердяев? Приведем ряд цитат все из того же этюда.

«Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ — самый аполитичный народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты — все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм — явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым».

И славянофилов, и Достоевского Бердяев считает такими же анархистами, как Бакунин и Кропоткин. Он также полагает, что анархическая русская природа нашла отражение и в религиозном анархизме Льва Толстого. «Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистскими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не востановимой ни в какую государственность».

Вернемся к первой приведенной нами цитате из этюда «Душа России». Помните? «Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире...» И вот как Бердяев начинает следующий фрагмент этюда: «Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире». И далее: «Все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю». Россия, в которой последовательно и упорно объединялись княжества еще с времен Ивана Калиты, достигла, наконец, размеров, способных потрясти воображение народов мира. На что же направлены силы русского народа, о котором думают, что он устремлен исключительно к внутренней духовной жизни? Эти силы, по Бердяеву, «отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие». Основное место в русской истории занимают интересы «созидания, поддержания и охранения огромного государства». Это и стало причиной того, что «почти не осталось сил у русского народа для свободной творческой жизни», а «личность была придавлена огромными размерами государства, предьявлявшего непосильные требования». Русская государственность формировалась в смутные времена, в периоды иноземных нашествий. И эта особенность, по словам Бердяева, «наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности». Русский народ жертвовал собой во имя создания своего государства, но, с горечью пишет Бердяев, «сам остался безвластным в своем необъятном государстве».

Далее философ отмечает таинственное противоречие в отношении России и русского сознания к национальному вопросу. Итак, вот исходный тезис: «Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного... Русские почти стыдятся того, что они русские, им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство... В русской стихии поистине есть

какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им, как нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. И как ни поверхностны, как ни банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа». Здесь Бердяев говорит о Льве Толстом, которого считает национальным гением: по его мнению, великий писатель «был поистине русским в своей жажде преодолеть всякую национальную ограниченность, всякую тяжесть национальной плоти». Бердяев считает, что и славянофилы не были националистами в истинном смысле этого слова: «Они хотели верить, что в русском народе живет всечеловеческий христианский дух, и они возносили русский народ за его смирение». Что же касается Достоевского, то он «прямо провозгласил, что русский человек — всечеловек, что дух России — вселенский дух, и миссию России он понимал не так, как ее понимают националисты». По мнению Бердяева, национализм новейшей формации есть «несомненная европеизация России, консервативное западничество на русской почве». Отличительной же чертой России Бердяев как раз считает свободу от национализма в истинном его значении: «...В этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира. Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России predeterminedена уже духовными силами истории... Россия не имеет корыстных стремлений».

Напомним исходный тезис: «Россия — самая не шовинистическая страна в мире». А теперь послушаем, как звучит не менее обоснованный антитезис: «Россия — самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства,

страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель». Обратной стороной русского смирения, говорит Бердяев, является необычайное русское самомнение. Еще Владимир Соловьев саркастически относился к русскому национальному самомнению, к уверенности русских в том, что все святые изъяснялись только по-русски. Бердяев, который недавно говорил, что Достоевский провозгласил русского человека всечеловеком, а дух России — вселенским духом, теперь отметил: писатель «проповедовал и самый изуверский национализм, травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром». Русское национальное самомнение Бердяев видит в том, что «Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире».

Давайте перейдем к другому противоречию, отмеченному Бердяевым. «Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа. В России в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалует о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утоления. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни».

Да, такова мятежная, непокорная русская душа, в ней всегда присутствует «неутолимость и неудовлетворенность ничем временным, относительным и условным». Стремление к абсолютному заставляло героически настроенную интеллигенцию идти на смерть во имя материалистических идей. «Славянский бунт — пламенная, огненная стихия, неведо-

мая другим расам». Русская народная жизнь, русская литература, русская мысль, страшная судьба русских писателей и всей русской интеллигенции — все это служит для Бердяева основанием выдвинуть следующий тезис: «Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы».

Антитезис же таков: «Россия — страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государства, страна крепкого быта и тяжелой плоти». Бердяев называет Россию «ленивой, инертной, отяжелевшей, погруженной в материю и покорно мирящейся со своей жизнью». Ни одно сословие не хочет подняться из низов, каждое стремится быть «как все». Личность полностью растворена в коллективе, каждый человек надеется на то, что другие все за него сделают. Бердяев отмечает инертность мысли, несвободу и бесплодие политического революционизма, духовный консерватизм русской интеллигенции.

Конечно, противоречия можно обнаружить в любом другом государстве, но только в России, говорит Бердяев, «тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм — из сверхнационализма». Выход из создавшегося замкнутого круга, по мнению Бердяева, — это «раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине, мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией».

Этюд заканчивается удивительно теплыми, нежными словами о России, о той самой России, которая состоит из сплошных противоречий, что должно было бы привести к раздражению и негодованию, но ни как не к любви. Однако Бердяев пишет: «Наша любовь к русской земле, много-

страдальной и жертвенной, превышает все эпохи, все отношения и все идеологические построения. Душа России — не буржуазная душа, — душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно. Россия дорога и любима в самых чудовищных противоречиях, в загадочной своей антиномичности, в своей таинственной стихийности».

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ БЕРДЯЕВА

- 1874** — в Киеве в дворянской семье родился Николай Александрович Бердяев.
- 1894** — поступил на естественный факультет Киевского университета святого Владимира.
- 1894—1898** — посещает лекции и семинары профессора Г. И. Челпанова, изучает теорию научного социализма.
- 1899** — в органе германской социал-демократической партии «Новое время» публикует статью «А. Ф. Ланге и критическая философия в их отношении к социализму».
- 1901** — сослан в Вологду; в этом же году выходит первая книга Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском».
- 1904** — работает в журнале «Новый путь», который был трибуном религиозно-философских собраний, организованных в Петербурге Д. С. Мережковским.
- 1905-1906** — совместно с С. Н. Булгаковым редактирует журнал «Вопросы жизни».
- 1907—1908** — интенсивное общение с Мережковским и его кругом стимулирует обращение Бердяева к православию.

- 1911** — выходит «Философия свободы», ставшая итогом творческих поисков Бердяева этого периода. Устремленность Бердяева к всемирной соборности, призванной преодолеть церковный конфессионализм, находится в русле учения Владимира Соловьева о «богочеловечестве».
- 1916** — опубликована книга «Смысл творчества», в которой, отмечал Бердяев, его «религиозная философия» впервые была осознана и выражена («Самопознание. Опыт философской автобиографии»).
- 1918** — создает Вольную академию духовной культуры, читает курс лекций по философии истории, участвует в семинаре по Достоевскому, а также пишет книгу «Философия неравенства» (опубликована в Берлине в 1923 году).
- 1920** — историко-филологический факультет Московского университета избирает Бердяева профессором.
- 1921** — арестован в связи с делом так называемого «тактического центра».
- 1922** — выслан за пределы страны.
- 1922—1924** — живет в Берлине, знакомится с О. Шпенглером, М. Шелером, Г. фон Кайзерлингом. Признан одним из ведущих философов послевоенной Европы.
- 1924** — переехал во Францию.
- 1946** — опубликована первая послевоенная книга «Русская идея», посвященная истории русской философии.
- 1948** — Н. А. Бердяев умер за рабочим столом в своем доме в пригороде Парижа, Кламаре.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. БЕРДЯЕВА

1901

Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб.: О. Н. Попова, 1901.

1907

Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: М. В. Пирожков, 1907.

Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные. 1900-1906. СПб.: М. В. Пирожков, 1907.

1910

Духовный кризис интеллигенции. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1910.

1911

Философия свободы. М.: Путь, 1911.

1912

Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912.

1915

Душа России. М.: И. Д. Сытин, 1915.

1916

Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Москва: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1916.

1917

Возможна ли социальная революция? М.: Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917.

Народ и классы в русской революции. М.: Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917.

Национализм и империализм. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917.

Национализм и мессианизм. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917.

Свободная Церковь. М.: Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917.

1918

Кризис искусства. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918.
Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918.

1921

Философия Достоевского. СПб.: Эпоха, 1921.

1922

Конец Ренессанса. СПб.: Эпоха, 1922. Книжное издание утрачено. Переиздано в кн.: София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Сборник под ред. Н.А.Бердяева. Берлин: Обелиск, 1923. С. 21—46.

Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923.
Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923.

Философия неравенства. Берлин: Обелиск, 1923.

1924

Новое Средневековье. Берлин: Обелиск, 1924.

1926

Константин Леонтьев. Париж: YMCA-Press, 1926.

1928

Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства, Париж: в 2-х т. YMCA-Press, [1927-1928].
О достоинстве христианства и недостоинстве христиан. Варшава: Добро; Париж: YMCA-Press, 1928.

1929

Марксизм и религия. Религия как орудие господства и эксплуатации. Варшава: Добро; Париж: YMCA-Press, 1928.

1931

О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931.

О самоубийстве. Париж: YMCA-Press, 1931.

Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж: YMCA-Press, 1931.

Христианство и классовая борьба. Париж: YMCA-Press, 1931.

1932

Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм. Париж: YMCA-Press, 1932.

1933

Христианство и активность человека. Париж: YMCA-Press, 1933.

1934

Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи. Париж: YMCA-Press, 1934.

Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж: YMCA-Press, 1934.

1937

Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Париж: YMCA-Press, 1937.

1938

Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства. Париж: Изд. Религиозно-философской академии, 1938.

1939

О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939.

1946

Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1946.

1947

Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация. Париж: YMCA-Press, 1947.

1949

Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж: YMCA-Press, 1949.

Царство Духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1949.

1952

Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: YMCA-Press, 1952.

1955

Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. Книга вышла впервые на немецком в 1938 году.

1996

Истина и откровение. На русском языке впервые в кн.: Николай Бердяев. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1996.

На пороге новой эпохи. Сборник статей. Сборник вышел в ноябре 1947 года на французском языке, в 1948-м — на шведском, в 1949-м — на английском, в 1957 году — на японском. На русском впервые в кн.: Николай Бердяев. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1996.

СЛОВАРЬ ФИЛОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Абсолют (от лат. *absolutus* — безусловный, неограниченный) — философское понятие, обозначающее всеобщую основу мира, полноту бытия и совершенство. Абсолют мыслится как творческое первоначало всего сущего и гармоническая слитность субъекта и объекта. Абсолют един, вечен и противоположен всякому относительному и обусловленному существованию. Философы объективно-идеологического направления обычно уравнивают абсолют с Богом, Абсолютным Духом, Абсолютной идеей, Абсолютным «Я». Философы-материалисты, напротив, чаще всего понимают под абсолютном материю, описывая материальное начало либо как неподвижную и самодостаточную сущность, либо как вечно изменяющуюся и обновляющуюся основу мироздания.

Антропология (философская) — философия человека, выделяющая в качестве своего предмета сферу «собственно

человеческого» бытия, собственной природы человека, человеческой индивидуальности, пытающаяся через антропологический принцип объяснить и самого человека, и окружающий мир, понять человека и как уникальное проявление «жизни вообще», и как творца культуры и истории.

Бытие — одна из главных тем и проблем философии, представленная в постоянных попытках дать понятие о всеобщем процессе, объемлющем человеческое существование, выразить взаимосвязь различных форм мироздания. В обычном значении слова понятие бытие частично совпадает с понятиями универсум, космос, вселенная, природа, жизнь.

Гносеология (от греч. *gnosis* — знание и *logos* — учение) — учение о познании, раздел философии, рассматривающий проблемы человеческого познания, вопросы о его возможностях и границах, о путях и средствах достижения истинного знания, о роли познания в жизни человека. Основные темы гносеологии: познание в отношении человека к миру, в развитии индивидуального человека и в эволюции общества; познание как специализированная деятельность человека и познание, включенное в другие виды деятельности; проблема познания в бытии людей и возникновение науки как особой формы познавательной деятельности.

В философской гносеологии познание трактуется как проблема человеческого бытия; определяется способность человека познавать мир и различные формы осуществления этой способности, вместе с тем характеризуются позиции человека в мире, его возможности и перспективы. В развитии философии гносеология играла ведущую роль, поскольку в ней обосновывались и оценивались различные характеристики бытия, определения природы, общества и человека, нормы и критерии научного познания.

Гуманизм — в широком философском смысле слова — это концепция человеческого бытия и основанная на ней система мировоззрения, где утверждаются ценность человеческого существования, достоинства, права и свободы каждого ин-

дивида, обосновываются возможности развития человека как рода и как индивида. Современная философия в наибольшей степени связана с гуманизмом, возвращенном на почву Просвещения (XVIII век). В гуманизме выразились определенные черты эпохи становления индустриального общества и соответствующих институтов права, политики, морали, науки и культуры.

Диалектика — научно-философский метод объяснения и описания наиболее общих законов развития природы, общества и человеческого сознания. Первую в истории философии систему диалектики создал Гегель. Согласно его учению, в основе всех явлений природы и общества лежит «абсолютная идея»; более того, природа и общество представляют собой моменты в процессе развития идеи. Гегель рассматривает природу как «систему ступеней», каждая из которых непосредственно вытекает из другой и является истиной предыдущей. Диалектическая традиция в русской философии XIX—XX веков нашла воплощение в учениях В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и Л. Шестова.

Идеализм (фр. *idealisme* от греч. *idea* — идея): 1) в обычном смысле — бескорыстие, стремление к высшим целям, склонность к мечтательности, увлечение несбыточными проектами; 2) одна из тенденций (характерная для философского объяснения мира) приписывать идеям большую реальность, чем чувственно воспринимаемым вещам, и искать прообразы общих свойств вещей и явлений в родовых или видовых значениях идей; 3) самоназвание ряда философских учений, авторы которых утверждают, что физическое, материальное, предметно-чувственное — продукты прямого творчества идеи (или комплекса идей), а идея — абсолют.

Индивид, индивидуальность (от лат. *individuum* — неделимый) — понятия, используемые, как правило, для описания органических особей, для характеристики различных аспектов бытия человеческой личности. Применительно к людям понятием «индивид» фиксируется представление о единичном человеке как своего рода социальном атоме. Понятие «индиви-

дуальность» указывает на форму преодоления индивидом своей роли «атома», на преобразование социального бытия в форму самореализации человека.

Иррациональное (от лат. *irrationalis* — неразумный, бессознательный): 1) сторона объективной реальности, принципиально недоступная разумному пониманию; 2) нечто в действительности, пока интеллектуально не познанное, алогичное, выходящее за границы современного разумного понимания, но принципиально познаваемое; 3) незапланированные или непредугаданные результаты человеческой деятельности; 4) бессознательная сфера души, противостоящая сознанию.

Историософия — концепция философии истории, созданная как целостное, постижение вариантности и преемственности конкретных исторических форм с точки зрения раскрытия в них универсального или метаисторического смысла. Центральное место в историософии занимает осмысление сущности и основных процессуальных мотивов того исторического периода, в котором находится субъект философствования в соответствии с его собственными критериями определения исторических форм.

Личность — индивидуальный человек как субъект общественной жизни, общения и деятельности, а также своих собственных сил, способностей, потребностей, интересов, устремлений и т. д. Бытие человеческого индивида как личности является условием воспроизводства и обновления социальных процессов. Авторы современных философских и психологических концепций делают акцент на самореализации личности.

Логика — учение о связи и последовательности человеческого мышления, о формах его развития, о различных соотношениях мыслительных форм и их преобразованиях. В логике рассматриваются вопросы о средствах существования мышления, языках закрепления, воспроизводства, трансляции мыслительных процессов. В широком смысле слова логика есть усмотрение связей не только мышления, но и бытия, то есть учение, позволяющее выявлять «логику вещей», «логику событий», «связь времен».

Марксизм — совокупность марксистски ориентированных учений (советский марксизм, фрейдомарксизм, антигуманистический марксизм, «критическая теория»), не образующих определенного единства. Учение самого Маркса является продуктом разнородных (экономических, исторических, политических, методологических) исследований и предложений.

Материализм (от лат. *materialis* — вещественный): 1) в обычном смысле — культ вещей и склонность к низменной чувственности; вера в вещественные причины всех явлений природы, общественных событий и влечений человека; отрицание духовных сил в природе; 2) одна из основных тенденций в философии, заключающаяся в установлении фактическим и логическим путем зависимости духовного и психического от плотского и физиологического; 3) самоназвание ряда философских школ («диалектический материализм», «научный материализм» и т. д.), сторонники которых принципиально отождествляют материю и природу, утверждая, что в мире нет ничего, кроме движущейся в пространстве и времени материи.

Метафизика (от греч. *meta ta physika* — после физики) — философское учение об общих, отвлеченных от конкретного существования вещей и людей принципах, формах и качествах бытия. Метафизика рассматривалась как противоположность диалектике, то есть как учение, характеризующее структуры бытия и мышления вне их развития, самодвижения, взаимопереходов.

Национализм — особое состояние этнического сознания, его иллюзорная форма, а также идеологический и политический принцип. Его содержание составляет абсолютизация собственной национальной исключительности в соединении с недоверием к чужим этническим общностям, как правило, к тем или иным конкретным народам, а в крайних своих проявлениях — с отказом им в праве на существование.

Объект, объективность — характеристики реальности, на которую человек обращает свою деятельность или направляет свое познание. Объект — часть бытия, противоре-

ящая человеку в его познании или деятельности, обуславливающее эту деятельность обстоятельство, из которого человек вынужден исходить. Объективность — свойство реальности быть не зависящей от субъекта, а также способность субъекта фиксировать реальность как не зависящую от него и его познания.

Онтология (от греч. *ontos* — сущее, учение) — учение о бытии, о принципах его строения, законах и формах. В классической философии XVIII—XIX веков онтология сопоставляется с гносеологией, логикой, антропологией и определяется через противопоставление этим философским дисциплинам. В этом плане онтология выступает как совокупность всеобщих определений бытия, характеризующих его независимо от деятельности людей, их познания и мышления. С помощью онтологии можно определять позицию человека в мире, ориентацию частных видов деятельности и познания, функции и ограничения отдельных наук.

Персонализм — 1) философская позиция, в которой личность и личностное существование являются основным предметом философии и главной проблемой истории и культуры; 2) религиозно-философское течение XX века (главным образом в России, Франции, США), приверженцы которого выступали за синтез религиозных, культурных и социальных политических концепций на основании принципиального значения самореализации личности в современном мире.

Рациональное (от лат. *rationalis* — разумный) — нечто, обусловленное разумом, доступное разумному пониманию, логически непротиворечивое и соответствующее принятым каким-либо сообществом правилам. Противоположность рациональному — иррациональное, то есть неразумное, недоступное пониманию, алогичное.

Рефлексия — принцип философского мышления, направленный на осмысление и обоснование собственных предпосылок. Рефлексия является сопутствующим моментом любого рода философствования. Во-первых, рефлексия означает пе-

реход к предметному рассмотрению сознания и, во-вторых, — переход к самосознанию, отношению к самому себе.

Скептицизм — философская позиция радикального сомнения в истинности стереотипических, сознательно или бессознательно воспроизводящихся суждений. В мировой философии известны различные формы скептицизма, связанные с конкретной культурно-исторической ситуацией и основными мотивами философского осмысления мира. Значение скептицизма возрастает в периоды смены теоретических моделей.

Славянофильство — течение русской религиозно-философской мысли XIX века. Основным стимулом возникновения славянофильства как целостного философского течения — идейное противостояние так называемому «западничеству», выражавшемуся в интеллектуальной жизни российского общества как утверждение необходимости прогрессивного развития России через последовательное усвоение западноевропейских социальных институтов, экономического строя и культурного просвещения. Славянофильство — историософское и культурологическое обоснование самобытности русской культуры и социально-экономического уклада.

Субъект, субъективность — характеристики познания и практической деятельности человека. Субъект — человек, вступающий в контакт с миром, изменяющий предметную обстановку своего бытия и самого себя (свои качества и силы) в процессе решения практических и духовно-теоретических задач. Субъективность — психологический и духовно-мыслительный план, аспект деятельности человека.

Теософия и антропософия (от греч. *theos* — бог и *sophia* — мудрость, *anthropos* — человек). Теософия — первоначально в античном и христианском мистицизме — высшее знание, концентрирующее мистико-интуитивное постижение, сущностное видение абсолюта, Единого, Бога и определяющее общие основания и принципы мистического учения.

В первые десятилетия XX века выделяется новая оккультно-натуралистическая доктрина — антропософия. Ее основа-

тель Р. Штайнер полагал недостаточным теософское обоснование роли и значимости человека в космических процессах. В рамках антропософии возрождаются древние представления о «космическом человеке».

Утопия (от греч. *и* — нет и *topos* — место, которого нет) — повествование о наилучшем состоянии общественной жизни, произвольная конструкция идеального социального порядка. Получила свое окончательное название в начале XVI века (1515 год) от названия книги Томаса Мора. Утопия представляет собой тип разрешения противоречия между признанием неистинности наличного социального порядка и осознанием невозможности простого возвращения к старому.

Христианство — одна из трех мировых религий (наряду с буддизмом и исламом). Восприняв идею единого Бога из иудаизма как абсолютной благодати, абсолютного могущества и первопричины всего сущего, христианство доводит личностное понимание абсолюта до состояния, которое выражено в двух его центральных догмах — триединство и боговоплощение. Идея триединства предполагает, что внутренняя жизнь божества есть личное отношение трех «ипостасей» (лиц) Отца (безначального первоначала), Сына, или Логоса (смыслового и оформляющего принципа), и Святого Духа («животворящего» принципа). Согласно догмату о триединстве, Сын «рождается» от Отца и Святой Дух «исходит» от Отца (по православному догмату) или от Отца и Сына (по католическому догмату). Философское содержание этого триединства предусматривает, что в каждой ипостаси содержится вся Троица, и в то же время ипостаси различны.

Боговоплощение в христианстве постулировало формулу единства человеческой и божественной природы во Христе, находящейся в нем «неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

Экзистенциализм (от позднелат. *exiſtentiā* — существование) — одно из влиятельных направлений западной философии XX века, для которого характерна антропологическая

ориентация; в центре — проблемы смысла жизни, индивидуальной свободы, ответственности. Существование, или «экзистенция», — ключевое понятие этого направления. Экзистенциалисты различают «бытие» и «существование»: «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «существование» — к внутренней жизни человека, к его индивидуальному «Я». Духовные истоки экзистенциализма — «философия жизни» и феноменология Э. Гуссерля. Во время Второй мировой войны экзистенциализм значительно повлиял на умонастроения западной интеллигенции, в особенности гуманитарной; его идеи проникли в литературу и искусство.

Эсхатология (от греч. *eschatos* — последний, конечный) — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека, о том или ином характере «исхода» мировой истории, наличного бытия. Мифическая; и религиозная традиции представляют собой преимущественно сюжетно-образные символические варианты эсхатологии (мифы о потопе, Апокалипсис, Откровение Иоанна и т. п.). Философские учения, включающие в себя эсхатологические мотивы, как правило, опираются на определенный тип мифической или религиозной эсхатологии. При этом происходит осмысление символов, образов, персонажей традиционной эсхатологии в соответствии с основополагающими метафизическими, антропологическими и историческими концепциями.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Жизнь и творчество.....	3
Основные направления философии.....	11
Этика.....	12
Религиозные идеи.....	15
Персоналистическая метафизика.....	19
Человек и свобода.....	21
Творчество человека как антроподицея.....	23
Личность и общество.....	25
Историософские идеи.....	28
По страницам «Самопознания».....	30
Размышления о России.....	73
Хронология жизни Бердяева.....	82
Список произведений Н. А. Бердяева.....	84
Словарь философских понятий и терминов.....	87

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org